

Анни Латур

ВОЛШЕБНИКИ
ПАРИЖСКОЙ
МОДЫ

Latour



MÉMOIRES
DE LA MODE
OT АИЕРСАДРА
BACHTEBA

Анни Латур
Волшебники парижской моды
Серия «Memoires de la mode от Александра Васильева»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6721432
Анни Латур. Волшебники парижской моды: Этерна; Москва; 2012
ISBN 978-5-480-00204-1
Оригинал: AnnyLatour, "Les magiciens de la mode"
Перевод:
Е. А. Макарова*

Аннотация

Перед вами своеобразный учебник по истории моды. Анни Латур внесла значительный вклад в сферу Высокой парижской моды, секреты которой она раскрывает в этой книге. Узнаваемый с первого взгляда почерк прославленных парижских кутюрье выработался, по мнению автора, под действием колдовского очарования Парижа, благодаря наследию великих художественных и технических традиций Франции.

Латур начинает историю с Марии Антуанетты и ее «министра моды» Розы Бертэн. На протяжении всех лет после Французской революции в каждый период колдовали свои волшебники моды, среди них – Луи Ипполит Леруа, портной, одевавший Жозефину; целая династия Ворот; Жак Дусе; сделавший революцию Поль Пуаре; наконец, более близкие автору по времени – Люсьен Лелонг, Мадлен Вионне, Маги Руфф, Жанна Ланвен, Коко Шанель, Эльза Скиапарелли, Жак Фат, Кристиан Диор, Юбер де Живанши и др.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие	8
Введение	10
Процесс рождения художника моды	12
В начале была модистка	12
Роза Бертэн, «министр моды»	19
Леруа, властитель моды и общества, которое его обожествляло	31
Новый, постреволюционный, взгляд	31
Политика Наполеона – поощрение роскоши	37
Тайный советник	42
Прелюдия к высокой моде	52
Высокая мода – что это?	52
Индустрия моды	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анни Латур

Волшебники парижской моды

Посвящается Клер и Изабель

*Серия «Mémoires de la mode от Александра Васильева» основана в 2008 году
Предисловие, научное редактирование и фотографии из личного архива Александра
Васильева*



Замечательная книга французской журналистки и писательницы АННИ ЛАТУР «Волшебники парижской моды» впервые вышла на английском языке в 1958 году и мгновенно стала популярной. Российским ценителям моды пришлось ждать полвека, чтобы увидеть ее в русском переводе. Но лучше поздно, чем никогда! Эти слова стали лейтмотивом серии «Mémoires de la mode», которая выходит в издательстве «Этерна» по моей инициативе.

Сейчас все очевиднее проявляются белые пятна в истории моды, глубина незнания и ограниченности в изучении этого предмета. Одним из базовых кирпичиков в фундаменте основополагающих знаний о моде считается книга Анни Латур, давно признанная классикой жанра в Западной Европе. Уверен, что она доставит вам огромное удовольствие и станет одной из любимейших книг в вашей библиотеке.

Александр Васильев

Выражаем благодарность всем, кто оказал нам неоценимую помощь, в частности Жаку Хейму, президенту Синдиката Высокой моды; Полю Кальдаге, директору журнала *Jardin des Modes*; Франсуа Буше, президенту Общества швейного искусства Франции, и его сотруднице мадемуазель Ванье; мадам Вийоне; мадемуазель Смэт, начальнику отделения профсоюзной организации работников моды; мадемуазель Лемарье, так долго проработавшей в Доме Ворта. А также тем, кто ушел из жизни, немного не дождавшись выхода этой книги: Мишелю де Брюнофф, директору журнала *Vogue*; графине де Полиньяк, дочери мадам Ланвен, и Жаку Фату, который был настолько любезен, что подробно познакомил нас с принципами работы своего Дома.

Предисловие к русскому изданию

Замечательная книга французской журналистки и писательницы Анни Латур «Волшебники парижской моды» впервые вышла на английском языке в 1958 году и мгновенно стала популярной. Российским ценителям моды пришлось ждать полвека, чтобы увидеть ее в русском переводе. Но лучше поздно, чем никогда! Эти слова стали лейтмотивом серии «*Mémoires de la mode*», которая выходит в издательстве «Этерна» по моей инициативе. Это вторая книга в серии, необходимой как для специалистов, так и для любителей моды. Первыми были знаменитые воспоминания Эльзы Скиапарелли «Моя шокирующая жизнь», также изданные в России впервые.

Диву даешься, сколь малочисленна и часто схематична существующая на русском языке литература по истории моды – предмету всеобщей любви последнего десятилетия. Появление в нашей стране нового социального слоя женщин, развитие образовательной системы всех уровней в области моды, новые гляцевые и научные журналы о моде, а также излюбленный россиянками «оздоровительный шоппинг» привели к тому, что изучение моды стало повальным увлечением. Многие мужчины ищут себе невест в этом мире, профессия дизайнера и стилиста стала сверхпрестижной и востребованной. Поэтому сейчас все очевиднее проявляются белые пятна в истории моды, глубина незнания и ограниченности в изучении этого предмета. Одним из базовых кирпичиков в фундаменте основополагающих знаний о моде считается книга Анни Латур, давно признанная классикой жанра в Западной Европе и теперь представленная на суд русскоязычных читателей. Написанная легким и образным языком истинной парижанки, одаренной легким пером и метким взглядом умного аналитика, эта книга представляет собой, на мой взгляд, не только увлекательное чтение, но и своеобразный учебник по истории моды с прекрасным информативным материалом, помогающим раскрыть тайны великих парижских создателей моды. Автор помогает заглянуть в закрытый и волшебный мир творцов *Haute Couture*, узнать секреты их успеха или поражения, проследить историческую взаимосвязь художественного творчества и интеллектуального бизнеса.

Диапазон этого интереснейшего исследования очень широк – почти триста лет истории парижской моды, начиная с XVII столетия, когда при правлении Людовика XIV появился портной Лангле, одевавший фаворитку короля мадам де Монтеспан. Его имя упомянуто и в письмах свидетельницы той эпохи, талантливой писательницы маркизы де Севинье, чей прекрасный дворец теперь превращен в Музей истории Парижа. Анни Латур предоставляет ценнейшую информацию по истории модных журналов Франции, приводит не только их названия, даты возникновения, но и дает меткую и точную характеристику.

Далее автор сосредотачивается на галантном XVIII столетии и изысканной эпохе Людовика XVI, когда модисткой элегантной королевы Марии Антуанетты стала прославленная Роза Бертэн. Латур приводит имена клиентов, заказчиц, подробно описывает интригу взаимоотношений конкурентов – парикмахера Боляра и самой Розы Бертэн.

Одним из ценнейших историко-информативных достоинств этого издания можно назвать подробную биографию Луи Ипполита Леруа – создателя гардероба императрицы Жозефины, одного из авторов стиля ампир в костюме. О нем практически ничего не написано в России, и знакомство с творчеством этого незаурядного художника из мира моды наполеоновской поры очень важно как для специалистов, так и для заинтересованных читателей.

В книге рассказывается о годах славы великого Чарльза-Фредерика Ворта – отца-основателя *Haute Couture*. Автор развернуто описывает детство и молодость этого талантливого англичанина, сумевшего не только проникнуть в закрытый мир парижской моды в Виктори-

анскую эпоху, но и сразить своими творениями самую влиятельную даму Франции середины XIX века – императрицу Евгению. Она стала не только «жертвой» экспериментов Ворта, но и его горячей поклонницей до самой смерти легендарного и непогрешимого мэтра мировой моды.

С особой любовью и знанием дела Латур описывает атмосферу и мир моды Belle Époque, тем самым, приоткрывая завесу таинственности над такими хрестоматийными именами известных создателей моды стиля модерн, как Редферн и Жак Дусе. В книге прекрасно представлена каждая эпоха и ее эстетика сквозь призму клиентов кутюрье. Автор рассказывает о вкусах великих французских актрис, главных потребительниц модного рынка на рубеже веков – Сары Бернар, Элеоноры Дусе или несравненной Режан. Мы постарались проиллюстрировать это издание уникальными архивными гравюрами и фотографиями, впервые публикуемыми в России. Вы увидите вышеперечисленных див той безвозвратно ушедшей эпохи элегантности и рафинированного шика, которым славился Париж на весь мир.

На страницах этой завораживающей книги читатель откроет для себя мир Поля Пуаре, Шанель и ее соперницы Эльзы Скиапарелли. Каждый дизайнер уникален по-своему и самостоятельно преломляет эстетические запросы и требования эпохи. Кроме хрестоматийных имен автор увлекательно расскажет вам и о менее медийных персонажах – прекрасных Жанне Ланвен и Мадлен Вийоне, чей Дом недавно был приобретен итальянским магнатом, и его работа возобновлена уже в наши дни.

Точно и объективно Анни Латур пишет о трудные временах Первой мировой войны, экономическом кризисе 1929 года, повлекшим за собой великую депрессию 1930-х годов и, конечно, о Второй мировой войне. Она сама была участницей французского Сопrotивления и даже написала книгу о борьбе своего народа в эти годы лихолетья. Понимая глубинную суть проблем тех лет, она удивительно тонко подводит читателя к периоду послевоенного успеха парижского кутюра, связанного с именами Бальмена, Жака Фата и Кристиана Диора, считавшимися надеждой высокой моды в те годы.

Ценность исследования Латур заключается еще и в том, что она смогла собрать уникальные интервью с сотрудниками домов высокой моды Парижа и лучшими журналистами. Например, она приводит свидетельства мадемуазель Лемарье, старейшей сотрудницы Ворта, проработавшей у него более полувека, или одного из директоров журнала *Vogue* Мишеля де Брюнофф, крупнейшего авторитета в мире моды довоенного Парижа. Необыкновенно ценны сведения, полученные от великой Мадлен Вионне, одной из удивительных создательниц французской моды межвоенной эпохи, автора неоклассических, уложенных по косой, моделей редкого, почти неповторимого кроя.

Уникальна сама методика повествования автора. Анни Латур погружает читателя в атмосферу описываемой ею эпохи, расцвечивает исторический рассказ множеством мелких подробностей, анекдотов и воспоминаний современников. Все это вкуче дает богатый интеллектуальный материал для размышления и понимания сути многих явлений моды.

Словно вышивая гарусом по канве, автор приводит имена аристократок и портних и связанные с ними истории; вспоминает о Джордже Браммеле, лондонском денди, холостяке и сибарите, так много сделавшем для мира мужской моды в первую половину XIX века; дает точную характеристику светской львице – женщине поверхностной, ничего не читающей, искательнице любовных приключений. Автор убедительно показывает читателям причины вознесения Парижа на высшую ступень иерархической лестницы среди столиц элегантности и шика. Стать *Arbitrum Elegantium* помогли Парижу врожденное у французов чувство вкуса, меры и важнейшая коммерческая составляющая любого успеха – умение продать свои новинки, модные товары и изобретения. Этому нелегкому ремеслу также учит эта книга.

В мире моды много имен. Одни, словно цветы, открываются утром, чтобы закрыться вечером, и рано вянут, другие, как деревья, разрастаются обильной кроной и мощными кор-

нями вырастают в почву, но увя, ни цветы, ни даже столетние деревья не вечны. Эстетикой эфемерности моды, ее ветреностью и кратковременностью, в которой и заложен смысл ее существования, пронизана вся книга Анни Латур. Глубокое проникновение в суть процессов позволит читателю не только расширить свой кругозор, значительно углубить знания, но и получить истинное наслаждение от повествования и тех редчайших иллюстраций, которыми снабжена книга. В наши дни мы наблюдаем гибель эстетики моды прошлого века, закат Европы и восход на модный Олимп Азии, не только как производительницы массовой одежды, но и как создательницы собственных брендов, поэтому эта книга, посвященная европейскому творческому потенциалу, кажется мне особенно важной. В ней вы найдете и отзвуки тех политических, экономических и социальных аспектов жизни человечества, которые побудили многих кутюрье к созданию их новых шедевров.

Сегодня, когда многие пытаются сделать из моды точную науку, схожую с химией или физикой, книга Анни Латур подскажет совсем иное творческое и художественное решение. Взгляд изнутри, наблюдения парижанки, конечно, для нас важнее, чем мысли современного исследователя, не только не жившего в то время, но и тесно не соприкасавшегося с модной индустрией, как таковой. Уверен, что эта книга доставит вам огромное удовольствие и станет одной из любимых книг в вашей библиотеке.

*Александр Васильев,
Париж, 2009*

Предисловие

Глупец тот, кто в моде видит только моду.
Оноре де Бальзак

Сейчас и во Франции, и за рубежом начинают наконец понимать истинное значение моды для всего мира. До недавнего времени мода нередко становилась для многих лишь поводом для шуток. Не только в суждениях тех, кто легкомыслен, но и во взглядах людей серьезных, рационалистов она представлялась забавным пустячком.

В этой книге читатель не найдет тех вечных и бессмертных истин, которые пролили бы свет на таинственную логику моды, ведь сама мода следует совершенно особой логике – той, что побуждает деревья весной раскрывать почки, а осенью сбрасывать листву. Мода – всего лишь результат работы некой силы, покрывающей тела животных либо перьями, либо шерстью. Человек просто завершает эту работу, привнося в нее свою индивидуальность, отражающуюся в украшениях, какими он снабжает свои изделия. Точно так же как все клетки нашего организма непрестанно обновляются, мы то и дело меняем кожу, то есть костюмы, платья.

Следовательно, остается признать, что рассматривать эту неотвратимую силу надо с учетом всей глубины действительности, в которой она существует, поскольку эта сила руководит сменой и времен года, и наших вкусов, формирует новые потребности, отвечает главнейшим нуждам нашей промышленности. В самом деле современная цивилизация развивается в двухтактном ритме «производство – потребление»; чем больше увеличиваются возможности производства, тем скорее возрастает потребительская способность, а стало быть, мода делается предметом первой необходимости. Американский экономист У. Ховинг в своей книге «Революция в системе распределения» пишет: «Мода – одна из самых мощных экономических составляющих в системе распределения». Мадам Анни Латур внесла важный вклад в историю моды и тех моделей, что еще находятся в мастерских и работы с которыми ведутся в большом секрете, – в Высокую парижскую моду. Неоспоримая власть знаменитых кутюрье объясняется тем, что они чувствуют колдовской флер, окутывающий этот город, и умело им пользуются, а также тем, что они – наследники давней художественной и технической традиции, восходящей к самому рождению Парижа.

Облегчая нам знакомство со своей работой, мадам Анни Латур начинает рассказывать длинную историю моды со времен королевы Марии Антуанетты¹ и ее «министра моды» Розы Бертэн². То было время наивысшего расцвета французской культуры, подошедшей к самому порогу своего крушения после Французской революции 1796 года. Позже Франция возродилась, но уже с другим государственным устройством. Автор последовательно, от эпохи к эпохе, знакомит нас с волшебниками моды – Бертэн, Леруа, Вортом, Пуаре, Диором, – с историческими персонажами, которые благодаря своему таланту поднимались до близкого знакомства и дружбы с великими мира сего и подчас забывали, что их собственное, эфемерное королевство – не более чем кусок шифона.

¹ Мария Антуанетта (1755 – 1793) – французская королева, жена (1770) Людовика XIV, тратила огромные деньги на наряды и развлечения, после свержения монархии (1792) была арестована и гильотинирована. – *Здесь и далее прим. вед. ред. сериш.*

² Бертэн, Роза (Мари Жанна) (1744 – 1813) – модистка и личная портниха Марии Антуанетты, настоящая законодательница моды своего времени.

Они выбрали профессию, которую Поль Валери³ назвал «безумной профессией», и лучшие из них подчинялись одному закону – создать такое, что на их месте не сделал бы никто.

Мадам Латур, благодаря знакомству с миром моды и средой парижских кутюрье, представила нам вдохновенный, живой и точный рассказ об этом. Ее книга заполняет пробел в недлинной истории моды; волшебная палочка моды дарит новую жизнь некоторым малоизвестным событиям и давно ушедшим персонажам. Книга заканчивается вопросом, который задают себе все художники и служители моды. Вопрос этот стар как мир и просуществует столько же, сколько продлится жизнь на Земле, он будет лишь несколько видоизменяться, приспособляясь к новым условиям.

Жак Хейм⁴

³ Валери, Поль (1871 – 1945) – французский поэт, член Французской академии (1927).

⁴ Хейм, Жак (1899 – 1967) – французский кутюрье, в 1930 – 1940-е гг. был ведущим модельером, отражавшим в оригинальных коллекциях модные тенденции своего времени.

Введение

«Назови, кого ты считаешь самым выдающимся нашим современником», – попросила я как-то одну юную француженку. Она ответила не колеблясь: «Пикассо и Кристиан Диор». Художник и кутюрье!

Инстинктивное чувство девушки неожиданно стало ключом к написанию этой книги. То, о чем рассказывается в ней, – результат моих долгих исследований, позволивших мне описать словами волшебство создания одежды.

Откуда это пришло к нам? Египетские фрески, критские статуи говорят о том, что уже в те далекие времена одежде было присуще благородство красоты, характерное для настоящего произведения искусства. И перед миниатюрами или полотнами старых мастеров мы порой застываем в восхищении, пораженные то безупречной линией корсажа, то застывшей волной умело заложенной складки на платье, то изысканной утонченностью рукава – несомненными признаками работы великих художников швейного дела.

Как нам узнать их имена? Какими они были, эти создатели форм и цветов, изобретатели туалетов, предназначенных прославлять женскую красоту? Создавая свой законченный шедевр, художник закреплял во времени всю мимолетность творения портного. Неужели творцы одежды заслужили эту несправедливую анонимность, которая на протяжении веков стирала их имена из истории?

Но вдруг вихрь, унесший старый монархический режим Франции, открыл нам их лица. Открыто упоминались имена – всем известные, уважаемые, в ореоле славы. Случилось это в тот самый момент, когда мужской костюм аристократа мало-помалу стал приобретать простоту буржуазного стиля одежды, когда женщина, и только женщина, стала центром моды, вдохновительницей ее поэтической игры воображения.

Странный феномен, и книга эта попытается его объяснить. И даже больше: пролить свет на то, каким образом в обществе, живущем во все более ускоряющемся ритме, появились эти непререкаемые авторитеты, управляющие вкусом, – модистки. Позднее, на заре механизации производства, в швейном деле появилась новая форма – изготовление готового платья и в конце концов новый вид французского искусства – *haute couture*, Высокая мода.

На протяжении столетий французское «искусство жить» и французская мода задавали тон всему европейскому высшему свету. Чувство пропорций, гармонии, соразмерность вкуса и фантазии, скромные цены – все эти качества специфически французские. Кто останется равнодушным к этой стороне жизни, пересекая площадь де Вогезов или площадь де ля Конкорд?

Высокая мода глубоко вошла в самую сущность Франции, в ее плоть и кровь. Она отражает любовь французов к народному творчеству, неприязнь к товарам машинного производства, страсть к индивидуальному созиданию, а также инстинктивную потребность награждать творцов моды дипломами за достижения в искусстве.

Еще до рождения Высокой моды француженки уже дали определения искусству и моде. Французский историк Мишле говорил: «Я отдал бы трех скульпторов за одного портного, который чувствует, интерпретирует и доводит природу до совершенства».

Но каким же ничтожным должно казаться старинное портновское ремесло взошедшей на престол Высокой моде! Сейчас знаменитые кутюрье – это художники; они подписывают свои творения, как живописцы и скульпторы – свои шедевры. Они создают свою индустрию; у них работают сотни рабочих и служащих, и художественная продукция давно стала одним из главных элементов национального экспорта. Они не изобретают моду, но, как дирижеры – свои оркестры, ее сопровождают, направляют и помогают подняться до наивысшей точки, пока она сама не обретет чистого и совершенного звучания.

Слава их коротка, а имена быстро забываются; их творения живут только миг. Как нам удержать эти вечные ценности? Цель книги – вернуть стертые лица, воскресить умершие творения и, снова связав все звенья цепи, нарисовать образы кутюрье сегодняшних и вчерашних дней.

Автор хотела бы также отдать должное профессии, которая привносит искусство в промышленность, коммерцию, в интимную сферу нашей жизни, прививает вкус и продает его, а еще – развивается в изощренной игре с женской натурой и высокой политикой.

Мода – чуткий показатель культуры. Мода развивается от необходимости к искусству и от учебных работ к творчеству изобретателя. У моды своя собственная жизнь, строгие законы, своя власть и секреты.

Процесс рождения художника моды

В начале была модистка

Старый монархический режим ушел в прошлое. Конец его в сумятице дерзких и противоречивых событий трагичен. Новый режим провозгласил право личности на свободу, зажав женщину в очень узкие, как никогда, рамки в отношении моды. Это время создало свою философию, с совершенно новыми идеями, которые произвели революцию в умах; вывело на сцену новый образ: тесьма, атласные оборки, бант из кружев, – одним словом, силуэт модистки.

Вот она собственной персоной, надменная и самоуверенная. А почему бы ей не быть такой? Графини, маркизы, даже королева – все добиваются у нее аудиенции. Ей доверяют дела государственной важности: создать платье с гарнитурой для придворного бала, приема у королевы, вплоть до прически как у королевы.

Вот она едет в свою мастерскую, расположенную на улице Сент-Оноре. А среди каких декораций появляется этот персонаж! Справа – пышное жилище какого-то богатого сеньора, чуть подальше – тихий отель Князя Церкви⁵, слева – роскошнейший дворец откупщика, разбогатевшего на циничных воровских операциях. Тем не менее на этой же улице живет и мадам Жеоффри. Ее салон – королевство здравого смысла. Здесь прославляют права человека, подписывают приговор мифу о государственном суверенитете. Частые гости здесь – самые дерзкие умы того времени: Дидро⁶, Д'Аламбер⁷, великие натуралисты, как, например, Бюффон⁸, реформаторы общественного строя, как Тюрго⁹. Здесь царит разум, а вовсе не дух фривольности.

Но этот мир легкомыслия и беспечности сумел приноровиться к существованию с соседями. И создал свое, особое королевство – королевство моды. На улице можно встретить все и в любом количестве, что пользовалось любовью в этом королевстве: пудру, румяна, перчатки, веера, шейные платки и перья. Этим лавочкам, где продавались модные и элегантные товары, совсем не нужны таблички с номерами домов, установки которых тщетно требовали от владельцев городские власти. Разве недостаточно очаровательных вывесок у входа? Например, «Золотое руно» (косметическая вода стирает морщины и шрамы от ветряной оспы), или «Золотая повязка», или – «Вкус королевского двора»: предлагает модные новинки с изысканной фантазией. Вот лавочка мадам Баре, возлюбленной Казановы, у нее он покупал, и не напрасно, огромное количество ненужных ему пар чулок.

На пороге своей элегантной лавочки появляется сапожник. Не простой ремесленник, а художник своего дела. Одет в черное, куртка расшита шелком, парик напудрен. Он знает, как вести себя с пришедшей к нему клиенткой – маркизой. «Я счастлив, – говорит он ей, –

⁵ Термин в настоящее время употребляется исключительно в отношении кардиналов Римско-католической церкви, но в прошлом использовался для всех высших священнослужителей (епископов, архиепископов и даже аббатов).

⁶ Дидро, Дени (1713 – 1784) – французский философ и писатель, основатель знаменитой «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусства ремесел», был идеологом третьего сословия и создателем тех идей просветительского века, которые подготовили умы к Французской революции.

⁷ Д'Аламбер, Жан Лерон (1717 – 1783) – французский математик, механик и философ-просветитель. Участвовал вместе с Дидро в создании «Энциклопедии».

⁸ Бюффон, Жорж Луи Леклерк (1707 – 1788) – французский естествоиспытатель, натуралист, автор «Естественной истории» в 36 томах.

⁹ Тюрго, Робер Жан (1727 – 1781) – французский политический деятель, экономист, стремился поднять благосостояние населения, имел много врагов, в том числе Марию Антуанетту.

обуть ваши ножки. Сейчас снимут с них мерку, я доверю сделать это только самому лучшему своему мастеру». Маркиза пожаловалась, что туфли слишком быстро изорвались. «О, понимаю, – восклицает сапожник, – мадам, наверное, гуляла!»

В самом деле, какая дама осмелится ходить пешком! Экипажи снуют беспрерывно по улице Сент-Оноре. Перед лавочкой «Галантный поступок» остановилась карета фаворитки: мадам Дюбарри¹⁰ приехала купить у модистки расшитые воротнички и веер. Вспоминает ли она, как меньше чем десять лет назад как раз в этой лавочке под строгим взглядом знаменитой модистки мадам Лабиль сама вышивала те же украшения для придворных дам, теперь они склоняются перед ней в низком поклоне.

Актрисы приходят в лавку Монклер купить румяна и духи. А как же, весь Париж знает, что ее поставщик, господин Дюпон, изготавливает разные сорта помады в зависимости от социального положения заказчицы! Придворные дамы покупают очень яркую помаду сразу на целый луидор. Не такие знатные и богатые приобретают небольшую баночку за шесть ливров. У помады тоже свое иерархическое деление: на верхней ступени стоит помада алого, пунцового цвета, которая предназначена для высших аристократок, на низшей – розового, почти телесного оттенка, ею пользуются только куртизанки.

«Хотелось бы обнаружить на дне этих баночек весну в самом ее расцвете», – так писал Себастьян Мерсье¹¹, язвительный литературный критик своего времени, автор сборника очерков «Картины Парижа», написанных в 1781 – 1788 годах. В витрине мадемуазель из Сен-Квентина под вывеской «Великолепный» красуется одна из модных кукол: эти посланницы новых веяний французского вкуса каждый месяц прибывают во все крупные города Европы, от севера до юга. В самом деле, какая дама осмелится появиться при императорском дворце, будь то в Вене, Петербурге или Мадриде, не проникнув предварительно в дошедший из Парижа секрет нового способа повязывать шейный платок, не усвоив последней манеры набрасывать палантин или не попробовав недавно придуманной прически?

Именно здесь, в центре этого кружащегося мира, появляется наша надменная модистка. Уверенные шаги замедляются у лавочки с вывеской «Великий могол», она входит, она – у себя: знаменитая Роза Бертэн, первая волшебница моды в длинной череде художниц вкуса. Она первой указала дорогу, по которой позднее пойдут гениальный декадентский Леруа, Шарль Фредерик Ворт, великий создатель Высокой моды, и все знаменитые кутюрье вплоть до наших дней. Окруженные сиянием парижского блеска, возникают все новые имена творцов, приспособляющих французскую моду к привычкам и обычаям разных народов мира.

Как удалось Розе Бертэн, всего лишь модистке, чья единственная задача в те времена была лишь придумать украшение для платья, настолько возвысить свою роль, обойдя по значимости такие профессии, как закройщик и портниха? Почему ее царствование начинается именно в эту эпоху крушения старого (монархического) режима, хотя Франция уже тогда на протяжении долгого времени диктовала свой стиль жизни высшему сословию всей Европы?

Уже в Средние века одежда кукол, привозимых из Парижа, знакомила императорские дворы Англии, Испании и Баварии с модными фасонами. Даже в эпоху Ренессанса, когда господствовал итальянский вкус, мир моды и элегантности следил за Парижем. На площади Святого Марка выставлялись французские куклы, демонстрировавшие богатым горожанам Венецианской республики, как им следует одеваться. Но было бы ошибкой полагать, что костюмы, которыми мы восхищаемся, глядя на полотна старых итальянских мастеров, – это

¹⁰ Дюбарри, Мари Жанна (1743 – 1793) – куртизанка, любовница Людовика XV, во время Французской революции казнена на гильотине.

¹¹ Мерсье, Луи Себастьян (1740 – 1814) – французский писатель, противник классицизма. Наиболее знаменитое произведение – утопический роман «Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было», где анонимный рассказчик видит сон, в котором совершает экскурсию по Парижу далекого будущего.

общепризнанный образец вкуса того времени: приближенные короля Франциска I¹² откровенно насмеялись над яркими расцветками смелых платьев итальянок. А каким огромным уважением пользовались эти куклы в XVII веке! «Великая Пандора¹³» в придворном платье, «Маленькая Пандора» в дезабилье обладали «иммунитетом неприкосновенности»: даже во время войн вражеские флоты прекращали огонь при виде корабля, везущего этих ценных «посланниц-дипломаток».

* * *

В литературе и частной переписке очень редко встречаются упоминания о портных. Но даже если и встречаются, там не найти описаний их творений, ни строчки о внешнем виде, фасоне платья, зато в избытке – фантазии о том, как украсить наряд, о поисках редкого узора для вышивки. Маскариль, персонаж Мольера из комедии «Смешные жеманницы», восхищается одной деталью: «Хорошо ли подобрана лента?» И Мадлон отвечает в манере «жеманниц»: «Прямо ужас, как хорошо. Настоящий пердрижон¹⁴!»¹⁵ Мадам де Севинье, писательница, оставившая большое эпистолярное наследие, в одном письме к своей дочери описывает ткань, из которой портной Лангле сшил платье для фаворитки короля Людовика XIV мадам де Монтеспан: «...золото по золоту, обшито золотом, поверху вытканы завитушки из золотых нитей пополам с другими золотыми нитями, которые делают эту ткань столь божественной, что даже вообразить нельзя...» Это казалось настолько в духе портного, что при появлении фаворитки в этом платье все присутствующие воскликнули: «Ах, это Лангле!»

Тем не менее портных никто и не думал воспринимать как настоящих художников, и творения их рук так и оставались безымянными. Правда, их зажимали тесные рамки корпоративных законов, вкуче представлявших собой негибкую и устаревшую систему. Сам крой тоже следовало выполнять по незыблемым правилам, существовавшим как для помпезных, богато украшенных мужских камзолов, так и для женских платьев с корсажами на китовом усе и твердыми каркасами для юбок в основе.

Впрочем, модникам и модницам удавалось уговорить своих портных разнообразить каждый туалет какими-нибудь деталями, придуманными в соответствии со вкусом заказчика. Но еще чаще обязанность отделки платья возлагалась на горничных: зная толк в кройке и шитье и обладая хорошим вкусом, они выбирали кружево, газ и тюль и посредством их придавали туалетам своих господ особый, непохожий на другие облик.

Нужно помнить, что изготовлением женских платьев вплоть до последней трети XVII века занимались исключительно портные-мужчины. Разумеется, некоторые женщины решались вступить на опасный путь придумывания новых моделей, и заказчицы сумели оценить изящество их работ, но это занятие, запрещенное законом, грозило большими опасностями. Сколько раз негодующие портные врывались в ателье первых кутюрье-женщин, размахивая сборником законов корпорации, уничтожали незаконченные наряды и отбирали ткани и аксессуары! Наконец терпящие различные притеснения кутюрье-женщины осмелились – это случилось в 1675 году – дать решительный отпор и подали королю прошение о предоставлении им права изготавливать «юбки и другую удобную одежду», подкрепляя свою просьбу тем аргументом, что «вполне благопристойно и в духе целомудрия и скромности

¹² Франциск I (1494 – 1547) – французский король (1515 – 1547) из династии Валуа.

¹³ В греческой мифологии – женщина, созданная Гефестом по приказу Зевса, которая выпустила из сосуда на волю все беды и несчастья человечества.

¹⁴ Парижский лавочник.

¹⁵ Перевод Н. Яковлевой.

разрешать женщинам и девушкам заказывать одежду у особ одного с ними пола». Склонившись к плечу Короля-Солнце, благочестивая и стыдливая мадам де Ментенон¹⁶ тоже читала текст прошения, соглашаясь с каждым его словом. Призыв к чистоте нравов возымел действие, и женщины-кутюрье завоевали право на существование.

* * *

Проходили годы, заполненные бесчисленными дразгами соперничающих сторон. Время смело их все, не оставив и следа. Пробил час Ватто¹⁷ и Фрагонара¹⁸. Волюты¹⁹ и рокайли²⁰, обивочные ткани нежных оттенков, которыми отделялись потайные будуары, изысканность роскоши, кокетства и любовной игры – эти черты присущи стилю, родившемуся из фантазии этих художников, а вместе с ним появилась и новая профессия – модистка. В своей работе модистка, эта «новенькая» в портновском цехе, руководствовалась одним-единственным правилом – вдохновением. Она отделяла платье, основу которого готовил кутюрье, под ее руководством создавались головные уборы, чепцы, шейные платки и мантильи, пришивались рюши, кружева и оборки. Модистка-художница придавала платью свою индивидуальность, особое дыхание и грацию.



Модистка и ее молодая помощница доставляют заказчице платье. Иллюстрация из журнала *Galerie des Modes et Costumes Français*, ок. 1780 г.

Сам крой с годами оставался неизменным. А вот отделка менялась в стремительном ритме, сама модистка, подхлестываемая своей фантазией, еще более его ускоряла. Теперь именно она дарит женщинам эту непостижимость, не поддающуюся определению сущности, что наполнила поэзией и очарованием «галантный век».

Мерсье в книге «Картины Парижа» дает такое определение модистки: «Портные выкраивают и сшивают все детали женской одежды, создают основу платья и корсеты – они каменщики на стройке; а модистка, которая придумывает аксессуары, вдыхает в платье гра-

¹⁶ Фаворитка Людовика XIV, Короля-Солнце.

¹⁷ Ватто, Антуан (1684 – 1721) – французский живописец и рисовальщик, его творческие устремления положили начало новому этапу в развитии французской живописи, графики и декоративного искусства.

¹⁸ Фрагонар, Жан Оноре (1732 – 1806) – французский живописец и график, рисовал галантные и бытовые сцены.

¹⁹ Архитектурный мотив в форме спиралевидного завитка с «глазком» в центре, деталь карнизов, порталов, окон, дверей.

²⁰ Орнамент в виде стилизованной раковины.

цию, заворачивает такую удачную складочку, по преимуществу архитектор и декоратор». Архитектор и декоратор – именно ими позднее станут Ворт, Вионне, Пуаре, Диор...

Чтобы понять богатство и разнообразие отделок платьев, нужно уметь проникнуться фантазиями модисток. Самый сухой справочник «Исторический словарь города Парижа», изданный в 1779 году, рассказывает: «Количество модных фасонов женских чепцов довольно значительно. Их около двухсот, стоимостью от двух до ста ливров. Предлагается сто пятьдесят видов отделок: газом, кружевами или мехом...»

Во всем этом изобилии отделок каждой полагалось иметь свое, отличное от прочих название, чаще всего яркое, запоминающееся. Точно так же сейчас даются имена платьям haute couture. Вспомним некоторые из старинных названий: «нескромные стоны», «невысказанные желания», «нежные улыбки», «в опьянении», «бесчувственность», «мгновение»...



Клиентка на примерке платья у своего портного. Иллюстрация из журнала *Galerie des Modes et Costumes Français*, ок. 1780 г.

Но проходило время, и «модные» куклы уже переставали служить образчиками последнего крика моды. На протяжении времени, пока их доставляли за границу и даже во французские провинции, украшения и шляпки уже выходили из моды. Даже альманахи и сборники мод, такие как *Le Monument des Costumes* («Образец костюма», 1774), *Galerie des Modes et Costumes Françaises* («Галерея мод и французского костюма», 1778 – 1787), с их бесподобными иллюстрациями не поспевали за стремительным изменением вкуса.

И вот появилась новинка – первая газета мод. Раз в две недели *Cabinet des Modes* («Кабинет мод») – первый номер вышел 17 ноября 1785 года – поступал в продажу. В газете помимо восхитительных цветных гравюр было восемь страниц текста с подробной информацией о создании новых направлений моды во всей свежести недавнего изобретения: одежда, украшения, чепцы, накидки, туфли, драгоценности, письменные столики, наиболее рекомендуемый внешний вид экипажей.

Меньше чем через полгода газета взяла другое название, поддавшись настроению англomanии, царившему во французском обществе в то время, – *Magasin des Modes Nouvelles Françaises et Anglaises* («Журнал новых французских и английских мод»). В английской столице журнал имел своего корреспондента, и тот регулярно присылал в издательство рисунки, наброски всех лондонских модных новинок.

С той поры и в Англии, и в Германии, и в Италии количество журналов мод множилось день ото дня. Очень часто в них публиковались, естественно без упоминания источника-оригинала, модели – просто-напросто пиратские копии французских нарядов, но выполненные

с гораздо меньшим изяществом. Но даже этот факт «пиратства» в области моды, дошедший до наших дней, свидетельствует о проявлении вкуса самих издателей.

Впервые ремесло модистики получило не только признание, Дидро в 1765 году в своей «Энциклопедии» так определил ее место в обществе: «Прошло так мало времени с тех пор, как появились модистики и взяли себе это имя. Именно тогда они перестали заниматься торговлей галантереей и приступили к торговле модными товарами».



Водевильная актриса Дюран в costume эпохи Людовика XVI, Париж, 1780-е гг.

Современные кутюрье в этих нескольких строках найдут подтверждение признания своей деятельности и память о первых шагах своих предшественников в общественной жизни. С того времени модистики, завершавшие создание и отделку одежды, не признавали никаких ограничений, которым вынуждены были подчиняться портные и простые ремесленники. Ведя свое происхождение из уважаемой корпорации торговцев галантерейными товарами, модистка в период правления Людовика XVI стала принадлежать к третьему сословию и занимала уже высшую ступень в буржуазной иерархии.

Новый век начался, умение мыслить и дар изобретательства перешли в активную фазу. Общество открыло для себя, что хорошая профессия – капитал более надежный, чем мешок золота. Повсюду открывались ателье, и «парижские штучки», шагнувшие далеко за пределы Франции, подчинили своему вкусу весь мир.

Третье сословие служило, по сути, настоящим банкиром королевского двора и аристократии, с невероятной скоростью влезавших в долги к художникам, торговцам, и особенно модисткам. Первый и самый главный должник – королевский двор, уже неплатежеспособный.

Обслуживание дворянства в кредит разоряло модисток. С первыми залпами революции они поняли, что их роскошные лавочки построены на песке. Кто теперь оплатит им счет элегантного дворянина, любителя модной одежды? А он солидный, этот счет... И модисток, и их клиентов постигла одна и та же участь – разорение.

Пока те и другие перебивались как могли, молодая кокетка Мария Антуанетта дала аудиенцию Розе Бертэн, чтобы установить закон на моду. Аристократы униженно добива-

лись визита к самым известным модисткам, буржуа едва осмеливались переступить порог их лавочек. Кого не ослепит это все и даже не испугает: стены отделаны драгоценными деревянными панелями, всюду мраморные барельефы и медальоны, зеркала и люстры из самой Вены; портреты разодетых, в пышных бантах клиентов. Торговцы и модистки сделали торговлю благородным занятием, они устраивали приемы, выезжали в каретах, вели такую же жизнь, как знатные дамы и сеньоры, стали значительными персонажами, которым французская мода, уже завоевавшая мировое признание, обязана своим блеском.

Роза Бертэн, «министр моды»

Обитатели парижской улицы Пикардии, известные своей работоспособностью и упорством, ловкостью и изобретательностью, отличались еще чувствительностью и вспыльчивостью. Роза Бертэн, известная модистка, была одной из них; она принесла в Париж с его воинственным духом и любовью к добротным сделанным вещам свое собственное воображение художественной натуры.

Ни один кутюрье, даже из самых знаменитых, никогда не поднимался до того уровня славы, на каком стояла она. Никто из ее собратьев по цеху не удостоился биографических статей в энциклопедиях; даже имя великого Ворта, гениального создателя haute couture, появилось в подобных изданиях далеко не сразу. Имя Розы Бертэн часто встречалось на листках писем, в записных книжках, мелькало на страницах газет – и стало знаменем французского вкуса. Ее искусством восхищались, над ее тщеславием смеялись, но она была везде, она была необходима, она властвовала.

Два литератора решили написать историю ее жизни. Перерыли архивы, рукописи, все документы о ее судебных тяжбах, личные письма и счета. Известный кутюрье прошлого века Жак Дусе²¹ собрал в своей коллекции большую часть сохранившихся документов, касающихся Розы Бертэн (сейчас они находятся в библиотеке, носящей его имя).

Жизнь Розы Бертэн – это роман, так стоит ли удивляться, что эта жизнь стала легендой? И родилась она, согласно правилам возникновения легенд, из неправды. В 1824 году, спустя одиннадцать лет после смерти Розы Бертэн, появились ее «Воспоминания». Сент-Бёв²² благодаря аналитическому складу ума сразу угадал в этой книге коммерческую затею. Сегодня мы знаем имя автора этих «Воспоминаний» – некто Жак Пеше, популярный в свое время литератор и отчаянный роялист, спасшийся от гильотины лишь бегством. Именем Розы Бертэн он воспользовался для того, чтобы написать книгу, восхваляющую королеву. Воспоминания модистки соединились в ней с такими же недостоверными мемуарами принцессы де Ламбаль²³, мадам Дюбарри, воспоминаниями куафера Леонара и многочисленных лакеев и горничных, а кроме того, с несметным количеством ложных писем Людовика XVI, которые наводнили книжный рынок эпохи Реставрации.

²¹ Дусе, Жак (1853 – 1929) – французский кутюрье, в 1875 г. открыл Дом Высокой моды, специализировался на вечерних платьях из атласа и шелка, ввел в моду цветовую гамму рококо. Собрал ценную коллекцию живописи и предметов прикладного искусства XVIII в.

²² Сент-Бёв, Шарль Огюст де (1804 – 1869) – французский писатель, яркий представитель романтизма. Но основная сфера его деятельности – история литературы и литературной критики, в которой создал свой метод, получивший позже название «биографического».

²³ Ламбаль, Мари Тереза Луиза Савойская (1749 – 1792) – родственница французской королевской семьи, приближенная королевы Марии Антуанетты; во время революции, узнав, что побег королевской четы в Варенну не удался, вернулась к ним в Париж, была арестована и казнена. – *Прим. пер.*



Роза Бертэн, «министр моды». Гравюра Жанине с портрета художника Ж. Дюплесси

След Розы Бертэн следовало искать в более надежных источниках. Из них выяснилось, что родилась она в 1747 году в Аббевиле, местности, где все занимались ткачеством; но отец ее служил лучником в отряде конной стражи. Первое свое образование она получила в родном городе, затем – в Париже, где впервые мы встречаем ее в 1773 году в связи с упоминанием об открытии ее собственной лавочки «Великий могол».

В 1776 году она вступает в Синдикат, новую корпорацию модисток; в 1792 году уезжает за границу; в 1800 году возвращается и окончательно обосновывается в Париже. Умерла Роза Бертэн в 1813 году. Огромное количество документов раскрывает нам имена ее клиентов, цены на ее продукцию, посвящает в тайны ее жизни, личных покупок, судебных процессов, наследства и наследников.

Биографы в начале своих рассказов с удовольствием повторяют один анекдот – правда это или нет, но он так ей подходит, что его стоит рассказать и здесь. Как-то раз Розе Бертэн, тогда еще ученице у модистки Пагель, поручили отнести готовый туалет во дворец принцессы де Конти. Прибыв по адресу, мастерица увидела в плохо освещенной прихожей молодую женщину. Не разобрав в темноте, что перед ней знатная дама, Бертэн приняла ее за горничную и заговорила с той как с равной, пересыпая свою речь шутками. Принцессу этот эпизод рассмешил; впоследствии она с удивлением обнаружила в девушке подлинную индивидуальность и сразу стала ей покровительствовать. Молодая аристократка заказала мастерице шить приданое для дочери герцога де Пентьевра. А после своей свадьбы с герцогом де Шартром стала одной из самых знатных клиенток Розы Бертэн.

Жак Пеше, автор «Воспоминаний», не сберег для нас ни слова правды о Розе Бертэн, что уж говорить о других модистках. Возможно, ей случалось целомудренно отвергать знаки внимания герцога де Шартра, того самого, который позднее станет герцогом Орлеанским и под именем Филиппа-Равенство²⁴ будет голосовать за смерть короля Людовика XVI.

1

Герцогиня де Шартр, дама снисходительная – а какая дама в XVIII веке не снисходительна? – оказала к тому же Розе Бертэн финансовую помощь, чтобы та смогла обосноваться на улице Сент-Оноре и открыть там свою лавочку модных товаров. Она и ее свояченица, принцесса де Ламбаль, были без ума от своей модистки и даже представили ее жене наследника престола. Вот так Роза Бертэн появилась перед Марией Антуанеттой. Впрочем, австрийский посол писал Марии Терезии, что юная супруга дофина небрежна в своем туалете. Но модистка вошла в открытую дверь, и этого оказалось достаточно, чтобы буду-

²⁴ Герцог Орлеанский, Луи Филипп Жозеф (1747 – 1793) – представитель младшей ветви Бурбонов, до смерти своего отца носил титул герцога де Шартра, после революции 1789 г. заигрывал с якобинцами и называл себя Филипп-Равенство, казнен на гильотине в 1793 г.

щая королева Франции стала самой обворожительной кокеткой. Нудный придворный этикет нагонял скуку на шестнадцатилетнюю Марию Антуанетту. Юная, она жаждала удовольствий, искала развлечений, а муж, наследник, старше ее на год с небольшим, неповоротлив, лишен всякого воображения и фантазии. Он любил охоту и еще одно занятие, довольно простонародное, которому предавался всей душой, – слесарное дело. Как он не видел красоты своей жены, ее веселого нрава, живости, любви к жизни? Модистка золотой заколкой прихватила ее белокурые волосы, украсила прическу несколькими цветочками пастельной расцветки, прикрыла еще детские плечики принцессы кружевной косынкой, быстрым жестом изогнула китовый ус и вставила в корсаж платья, обрисовав волнующий профиль молодой груди и взметнув в полет жесткие фижмы²⁵. Зеркало показало Марии Антуанетте образ молодой красавицы, спорхнувшей с полотен Буше²⁶ или Фрагонара, написанных во времена Галантного века.

Когда юная дофина отослала матери, Марии Терезии, свой портрет, та пришла в ужас: на нее смотрела актриса, но никак не будущая королева Франции!

Через два года Мария Антуанетта взойдет на трон, и старая императрица забеспокоится по поводу ужасной тяжести короны, которую такой юной паре предстоит нести. Прошел еще один год, и эти тревоги вылились в конкретные слова: «...не могу не затронуть тему, к которой так часто возвращаются в газетах, а именно твои прически! Говорят, они вздымаются вверх на высоту в тридцать шесть дюймов, а наверху еще перья и ленты!»

Мадам Кампан, преданная королеве дама, ведающая одеванием Марии Антуанетты и ее доверенное лицо, расписала в своих мемуарах (тоже недостоверных) любовь королевы к нарядам, возникшую под влиянием Розы Бергэн. Увы, все дамы хотели носить украшения как у королевы, рискуя разорить мужей. Говорили, что общая безумная страсть к драгоценностям стала причиной гибели аристократии.

До молодой Марии Антуанетты не доходили эти слухи, разраставшиеся с каждым днем. Ее плохое настроение объяснялось лишь необходимостью подчиняться строгому этикету Версальского королевского двора, в частности наводящему скуку церемониалу пробуждения: едва королева открывала глаза, множество придворных дам, окружив ее кровать, принимались ее торопить. Дама, отвечающая за честь королевы, протягивала ей юбку, отвечающая за одевание – рубашку. Каждый жест не просто движение, а официальная обязанность, за право исполнять которую боролись даже принцессы: это высокая честь – одевать королеву, лить воду тонкой струей ей на руки, вытирать после купания... Королеве передавали альбом с образцами ее туалетов; острием длинной булавки она указывала, какое платье хочет надеть сегодня... В тяжелых коробках ей приносили нижнее белье, придворные платья, наряды для интимных ужинов.

²⁵ Юбки с жестким каркасом в виде обруча, вставляемого под юбку у бедер для придания пышности фигуре (*фр.*).

²⁶ Буше, Франсуа (1703 – 1770) – французский живописец, рисовальщик, гравер, декоратор, с 1755 г. директор Королевской мануфактуры гобеленов, с 1765 г. директор Королевской академии живописи и скульптуры и «первый живописец короля».



Прически и шляпы времен Марии Антуанетты. Гравюры, 1780-е гг.

Разве могла Мария Антуанетта найти утешение в таком количестве формальностей! Едва туалет был закончен, королева убежала от своей свиты. В личных апартаментах ее ждала Роза Бертэн. Обсуждать модные новинки и утверждать правила хорошего вкуса на сегодняшний день они предпочитали вдвоем. Модистка при любой возможности не забывала ссылаться на свою «работу» с королевой. Стоило какой-нибудь знатной даме войти в ее лавочку, та тут же оборачивалась к своим помощницам: «Покажите мадам образцы моей последней работы с Ее Величеством!» Ну как не назвать ее «министром моды»? Достаточно полистать книги счетов, чтобы составить представление о знатности и широте ее клиентуры. Открываем страницу наугад и натываемся на имена королевы Испании, королевы Швеции, герцогини Люксембургской, герцогини де Шартр, графини де Талейран, герцогини де Мазарини, герцогини Девонширской, герцогини Вюртембергской, супруги будущего российского императора Павла I...

Последняя любовница Людовика XV мадам Дюбарри, изгнанная после его смерти, через два года вернулась во Францию, и снова имя ее замелькало на страницах книг. Правда, это случилось меньше чем за год до ее казни во время Великой французской революции; ее долг модистке составлял сорок тысяч ливров. Роза Бертэн, вознесенная на вершину своего триумфа, могла позволить себе не принимать заказы от дам буржуазного сословия: все свое время и свой талант она обязана отдавать королевскому двору и иностранным принцессам.

Баронесса д'Оберкирх, автор известных мемуаров, рассказывает нам о неутраченном любопытстве, которое знатные дамы проявляли к творениям модистки, о толчее, возникавшей у порога ее лавочек. «Мадемуазель Бертэн, – писала она, – казалась мне человеком весьма необычным. Надувшись от сознания своей важности, она держала себя на равных с принцессами крови... Манера разговаривать этой мадемуазель в высшей степени занимательна: смесь высокого слога и просторечия бесцеремонно лилась нескончаемым потоком, когда можно было обойтись одной короткой фразой. Но в то же время она умела одним дерзким словом расставить все по своим местам. Королева по своей обычной доброте принимала ее запросто, чем модистка злоупотребляла, полагая, что такая королевская приязнь дает ей право важничать».

Теперь прочитаем несколько строк из «Секретных мемуаров», написанных Башомоном²⁷, в которых говорится о проезде королевской четы по улице Сент-Оноре по случаю праздника, устроенного в Нотр-Дам в феврале 1779 года. Мадемуазель Бертэн находилась на балконе своего дома в окружении тридцати помощниц. «Ее величество заметила модистку и воскликнула: “Ах! Вот мадемуазель Бертэн”. И приветственно помахала ей рукой... Король

²⁷ Башомон, Луи Пти де (1690 – 1771) – французский литератор, автор книги «Секретные мемуары для истории республики изящной словесности», известные под названием «Мемуары Башомона».

поднялся и аплодировал ей обеими руками, вся королевская семья поступила точно так же. Куртизанки, подражая своему покровителю, не преминули склониться в поклоне, проезжая под ее балконом...»

С большим беспокойством приняла Роза Бертэн прошение об увольнении от своей лучшей работницы мадемуазель Пико, пожелавшей ни больше ни меньше как открыть собственную модную лавочку. Досада ее была так велика, что она не побоялась в Зеркальной галерее, в нескольких шагах от апартаментов королевы, плюнуть ей в лицо. Оскорбленная мадемуазель подала на обидчицу в суд. Розу Бертэн приговорили к выплате небольшого штрафа. Она подала жалобу, но ее снова приговорили к тому же наказанию. Бертэн отрицала сам факт оскорбления: «Чтобы я, – возмущалась она в вышедшем отдельной брошюрой мемуарандуме, – совершила такой низкий поступок?! Да еще во дворце, рядом с покоями королевы!» Это забавное дело целый год давало пищу для салонных сплетен. Сам Гримм²⁸ рассказывал о нем в письме к Дидро.

Вот еще выдержка из частного письма 1778 года одной провинциалки, приехавшей к Бертэн заказать несколько головных уборов: «Модистка в элегантной блузе полулежала в шезлонге и едва соблаговолила приветствовать знатную даму чуть заметным кивком головы. Она позвонила, и явилась молоденькая обворожительная нимфа, звали ее мадемуазель Аделаида. “Дайте мадам, – сказала м-ль Бертэн, – чепчики, что мы сшили в прошлом месяце”. Но дама хотела посмотреть совсем новые чепцы. “Это невозможно. Во время моей последней работы с королевой мы остановились на том, что новые, более современные модели чепцов появятся в продаже не раньше чем через неделю”».

На протяжении всего века мы не раз встретим похожие черты и у других известных кутюрье. Без сомнения, подобная надменность была порождена довольно неопределенным социальным положением кутюрье. Они часто посещают знатных особ, обойтись без них нельзя, но их собственный ранг никем не определен. Вот они и пытаются подняться над бесцеремонностью своих клиенток, так часто им демонстрируемой. Персонаж, чей прототип – Роза Бертэн, появился даже на театральных подмостках. Еще больше ее чествуют словно богиню: поэт Жак Делиль²⁹, большой знаток и переводчик «Георгик» Вергилия, восхваляет ее в стихах как настоящую художницу. В стихотворении «Фантазия» он воспевае моде, любимую дочь фантазии, и ее жрицу, умеющую преумножить и оттенить очарование, подаренное природой:

*Когда талант Бертэн вспыхнул ярким светом,
Ткань, послушная игре ее рук, сотни фасонов открыла нам,
Ниспадала накидками, шальями, скручивалась тугими поясами;
Как художник своею кистью, так она игрой дарит нам краски
мира,
Сияние бриллиантов, нежность цветов;
Муар волнуется длинными, текучими складками,
Он парус для любви, бант триумфатора – для славы...*

Бухгалтерские книги мадемуазель Бертэн, исписанные ее легким, изящным почерком, подробные описания – сами по себе поэмы – раскрывают перед нами очарование XVIII века: в них есть все – короткие дамские накидки из лебяжьего пуха, банты из тафты, тюлевые оборки, тонкое кружево, вышивки жемчугом и цветными камнями, муслиновые цветы розы

²⁸ Гримм, Фредерик Мельхиор (1723 – 1807) – немецкий литератор, публицист, критик, дипломат. С 1753 г. издавал рукописную газету *Correspondance Litteraire Philosophique et Critique*, известную как «Литературная корреспонденция», знакомившую королевских особ с культурной жизнью Парижа. С 1759 г. Дидро освещал в ней выставки живописи в Лувре.

²⁹ Делиль, Жак (1738 – 1813) – французский аббат, переводчик, литератор и поэт.

со стебельками, шипами и лепестками. Эти маленькие шедевры, созданные безупречным вкусом больших художников, останутся в веках, запечатленные легкими пастельными штрихами. Все они собраны в этих книгах, чтобы придать привилегированному обществу облик высшей утонченности... но за какие цены! Роза Бертэн для своей работы покупала только самый дорогой материал; одной клиентке, которая вздумала спорить по поводу предъявленного счета, модистка гневно ответила: «А художнику Верне³⁰ вы что, платите только за холст и использованные им краски?»

Доброе имя Бертэн привлекало к ней иногда довольно необычных клиентов, как, например, шевалье д'Эона³¹, секретного агента короля. Переодевшись в женское платье, он выполнил несколько важных поручений монарха. Мария Антуанетта направила шевалье к Розе Бертэн, и в августе 1777 года д'Эон написал министру иностранных дел Вержену: «После Бога, короля и его министров мадемуазель Бертэн больше всего сделала для моего чудесного превращения».

Стоит обратить внимание на следующий абзац, выписанный из «Замогильных записок» Шатобриана³², в котором он описывает свое путешествие в компании Розы Бертэн, не подозревая, какой она известный человек. Это было в 1786 году, Шатобриану едва исполнилось восемнадцать лет, и, по его признанию, модистка, «легкомысленная и развязная», увидев его, рассмеялась. Он так смутился, что забился в угол кареты «из страха коснуться платья мадам Розы». Они проезжали через Версаль, где «царила королева, во всем блеске молодости и красоты...». В Париже «мадам Роза приказала отвезти себя на улицу Майль, в отель “Европа”, и поторопилась избавиться от своего недотепы-попутчика...». Она не знала, что этот недотепа станет одним из величайших французских писателей!

Бертэн считала себя настолько выше других, что одна мысль о возможном соперничестве приводила ее в негодование. Тем не менее конкуренты у нее были, и среди них опасные, как знаменитый парикмахер и шляпных дел мастер Леонар Боляр, виртуоз моды. Тоже утонченный, жеманный, манерный, одним словом, настоящий кутюрье, он полностью соответствовал тому типу, многочисленные образцы которого нам хорошо известны.

Неизвестный поэт оставил хвалебные строки, посвященные ему, Архимеду моды, волшебнику, в роскошном магазине он распоряжается вкусами клиентов:

*Боляр,
Столько шедевров, таких блестящих,
Которыми ты украсил свое Отечество,
Подтверждают твой огромный талант.
Ты держишь драгоценный жезл,
Что превратил Французскую империю
В империю счастья и феерии.*

Боляр преподнес королеве сделанную им самим благоухающую розу, сердцевина которой открывалась, являя взору миниатюрный портрет Ее Величества! Это оказалось слишком для Бертэн, и она надолго отказывалась исполнять заказы принцессы де Ламбаль, виновницы знакомства Боляра с Марией Антуанеттой.

³⁰ Верне, Клод Жозеф (1714 – 1789) – французский живописец, один из самых выдающихся пейзажистов своего времени. Его большие холсты приобретались для украшения дворцов по всей Европе. – *Прим. пер.*

³¹ Д'Эон, Шарль де Бомон (1728 – 1810) – секретный агент французского королевского двора. Известен своим искусством перевоплощения в женский облик. В 1755 г. в качестве чтицы находился при дворе императрицы Елизаветы Петровны; вывез из России документ, известный как «Завещание Петра». – *Прим. пер.*

³² Шатобриан, Франсуа Рене (1768 – 1848) – французский писатель и политический деятель. В мемуарах «Замогильные записки» (1848) подвел итог своим художественным и философским изысканиям.

Несмотря на все ухищрения Бертэн, клиентки Боляра были такого же высокого полета, что и ее собственные. Мадам де Матиньон, постоянная заводила дерзких выходок (не она ли взошла на эшафот нарумяненная и в шикарном платье), заключила с Боляром соглашение: заранее оговоренная плата, двадцать четыре тысячи ливров, – и он каждый день сооружает ей новую прическу. Эти прически были настолько высоки, что «дамы ехали в своих каретах, стоя на коленях. Их лица будто вставлены в середину тела», – так писали в 1775 году. Головные уборы не отставали от причесок. Тот же Боляр пришел на помощь своим молодым клиенткам: он придумал «чепчик для матушки» со спрятанной в нем пружинкой. В компании почтенных матрон головку модницы покрывал добропорядочный чепец, но едва франтиха покидала это общество, она приводила пружину в действие, и ее головной убор увеличивался в высоту втрое. Однажды Боляру нанесла визит знатная англичанка. «Я – вдова адмирала, – заявила она ему, – и полагаюсь на ваш вкус и воображение». Через два дня получила «божественную шляпку», как написала в своих «Воспоминаниях» графиня Адемарская: смятый газ выполнял роль морских волн, по ним плыл корабль, созданный из оборок и бижутерии, а на мачте развевался траурный флаг.

Искусство укладывать волосы – в 1770 году насчитывалось около трех тысяч восьмисот различных способов – сделало работу шляпного мастера такой же важной, как труд модистки. Одно это позволяет понять, каким образом слава Леонара Боляра, создававшего головные уборы для самой королевы, вышла за пределы Франции и создала вокруг его персоны огромное количество легенд. В 1836 году в книжные магазины поступили в продажу его «Воспоминания», такие же неправдоподобные, как мемуары Розы Бертэн. Впрочем, неизвестный автор желал только сенсации, в его книге нет никакой политической подоплеки.

Тот же Боляр изобрел знаменитое направление в создании головных уборов – «шляпы настроения», предназначенные выражать тайные мысли и чувства надевшей такую шляпку: вокруг головок легкомысленных дам вились бабочки, целая стая вестниц любви, вплетенных в волосы, поощряла ухаживания кавалеров; или, например, саркофаги и траурные урны говорили о меланхолии из-за погибшей любви. Для герцогини де Шартр, которая в 1775 году родила сына (будущего Луи Филиппа), Леонар придумал прическу с восседающей роскошной кормилицей, держащей на руках ребенка. Маленькие фигурки-безделушки стали важным средством для создания необходимого образа. Отныне у них появилась собственная жизнь в неизменном процессе построения платья; они позволили модисткам воплощать любые фантазии: политические события, сражения и победы, судебные процессы, театральные успехи, салонные сплетни – все служило предлогом для создания новых украшений, отделки новых моделей головных уборов. Иностранец путешественник Мейстер в 1774 году писал, что ежедневные новости можно было узнать, рассматривая головки женщин.

То же можно сказать и о моде на расцветки тканей. В Париже не осталось ничего, вплоть до уличной грязи, что не дало бы названия какому-нибудь оттенку шелка, – «сточная канава» или цвет вышивки «парижская грязь», которой мадемуазель Ленорман отделала «турецкое платье», произведшее настоящую сенсацию в обществе. Никто не сомневался в правильности названия цвета «кака дофина» – оно появилось в связи с рождением наследника в королевской семье. И объяснялось все это не просто капризами вкуса, но и лихорадочным, страстным желанием перемен, что само по себе есть ритм времени, бегущего навстречу своей гибели. Общество правящего класса отыгрывало последний акт пьесы, заявляя право на фривольный образ жизни, на необузданную роскошь, в то время как страна разрушалась, государственная казна стремительно пустела, а миф о королевской власти распадался на глазах.



Элегантная дама. Гравюра XVIII в.

В поисках сенсаций не гнушались бравировать нищетой людей. Цены на хлеб выросли до такой отметки, что повсюду стали вспыхивать мятежи; были разграблены все булочные и хлебные склады, а модистки создали «бунтарский чепец», и Роза Бертэн жестокой зимой 1784 года с долей цинизма выпустила в продажу «чепец серой сестры» – скромность лишь внешняя, а цена такая же высокая, как и у самого щегольского головного убора с плюмажем.

Мода двигалась к упрощению, конечно, не в сфере морали, но в законе стиля, требующего отклика именно в тот самый момент, когда появляется новая форма, что вытекает из естественной эволюции. Головные уборы «молочница», «крестьянка», «Руссо» возникли не из-за переворота в умах людей и не под влиянием новых идей Руссо. Точно так же одежду в «английском» стиле носили не по причине восхищения солидностью английской экономики, тем более что мода на греко-романский стиль появилась не по причине желания очиститься в источниках Античности.

Неотвратимая эволюция стиля привела к тому, что простые, сдержанные линии пришли на смену волютам и раковинам, фигуркам-безделушкам и фижмам, а равновесие и приглушенные тона – крикливым краскам.

Увы, эта простота оказалась губительной для французской экономики – один из многочисленных парадоксов, которые противоречили логике, так все усложнили и завели в тупик судьбу всей страны накануне революции 1789 года. Начиная с 1780 года мода изгоняет фижмы, длинные трены³³, ткани, расшитые драгоценными нитями, плюмажи³⁴ и высокие каблуки.

³³ Шлейфы у женского платья (*фр.*).

Цветастые шелковые ткани, восхитительное произведение лионских ткачей, уступили место английским батистам и ситцам, украшенным букетиками деревенских цветочков. Мария Антуанетта и ее придворные дамы наслаждались простотой, играли в нее в специально построенной по эскизам придворных архитекторов деревушке в Версальском парке, вызывая своими пастушескими нарядами ажиотаж среди аристократок и жен богатых банкиров; лионские ткачи в это время впали в глубокое уныние, потому что результат их трудов, рулоны парчи, отныне оказались никому не нужными. Но модистки, не смущаясь даже страшными беспорядками в годы, предшествующие революции, все равно отражали в элементах декора одежды всевозможные скандалы, предшествующие падению старого режима. Достаточно упомянуть шляпу, украшенную ниткой жемчуга, которой дерзкий язык ее создателя дал название «кольце королевы»: прямой намек на то злосчастное «дело о кольце», в результате которого королева была скомпрометирована окончательно. Однако инициатор той драмы кардинал де Роган³⁵ тоже не избежал своей участи – стал жертвой жестокой фантазии шляпных мастеров: заключенный в Бастилию, он получил в подарок шляпу «кардинал в опале». Зато через год, когда парламент его оправдал, в шляпных магазинах появились украшенные белыми гирляндами головные уборы под названием «прощенный кардинал».

Ни те тяжелые времена, ни грубая анархия в стране не оттянули для королевы срока расплаты за ее любовь к драгоценностям. Ее природное кокетство стало источником постоянно растущих и передающихся из уст в уста слухов, где фигурировали баснословные суммы, уходившие на содержание королевского дома. В 1785 году министр финансов Калон передал в государственную казну умопомрачительный счет от мадемуазель Бертэн: из казны следовало уплатить модистке девятьсот тысяч ливров, что погасит лишь часть суммы, которую королева задолжала за свои наряды.

Жизнь Розы Бертэн в то время была такой же беспокойной, как и у королевского двора и погрязшей в долгах аристократии. Однако ее биограф, приписавший переезд модистки в 1785 году на улицу Ришелье денежным затруднениям, ошибался: в то время эта улица была центром элегантной жизни, как теперь, почти два века спустя, он переместился на улицу де ля Пэ. По свидетельству современников, новый магазин Розы Бертэн оказался еще шикарнее старого.

Тем не менее в 1787 году распространились слухи, что Бертэн объявляет о своем банкротстве. Мадам д'Оберкирх, недолго любившая ее, иронизировала: «Мадемуазель Бертэн, такая гордая, недостижимая, даже заносчивая, обанкротилась. И вместе с тем ее банкротство – это не банкротство плебейки, а достойной дамы, имевшей два миллиона! Это кое-что для продавщицы шифонов. Владельцы мелких лавочек на последнем издыхании, к кому же теперь обращаться? Кто сделает прическу, подгонит под твой вкус шляпку, приколет перья, придумает новый фасон?»

Что это, простая клевета или жестокая реальность? В списке неплатежеспособных, зарегистрированных в том году, не удалось найти след банкротства Бертэн. Современники обвинили знаменитую модистку в «симуляции банкротства» с целью взыскать долги со своих клиентов или даже, как писали газеты, «вытрясти из королевской казны сорок тысяч ливров».

Накануне революции дух сословности был сильным как никогда. Национальный долг в 1787 году возрос до четырехсот миллионов ливров, банкротство всего государства стало неминуемым. Калон обратился к именитым гражданам с просьбой внести в казну посильную сумму, но призыв его не нашел отклика. Знать и духовенство отказались делать вклады

³⁴ Украшение из перьев на головных уборах или конской сбруе (*фр.*).

³⁵ Роган-Гемене, Луи Рене Эдуард принц де (1735 – 1803) – с 1773 г. князь-епископ Страсбургский, с 1772 г. посланник в Вене, с 1778 г. стал кардиналом. Был замешан в знаменитой истории с ожерельем королевы Марии Антуанетты, посажен в Бастилию и затем выслан из Парижа.

на общественные нужды. Тут же произвел фурор жилет «а-ля почетный гражданин», по краю пустого кармана которого была сделана вышивка: королевская свита окружила своего монарха, а тот тщетно старается поймать рукой убегающую от него монету.

Государственная казна, решив придержать про запас государственные кредиты, прекратила в 1788 году денежные выплаты по облигациям. Жестокий удар, обрушившийся на страну, для творцов моды обернулся новой возможностью еще раз продемонстрировать силу своего воображения: они выпустили в продажу шляпы без дна и назвали их «шляпы а-ля государственная казна».

Даже когда казна в 1789 году опустела окончательно и государственное банкротство стало очевидным, содержание королевского двора поглотило последние двадцать пять миллионов ливров. А когда король, подстрекаемый Марией Антуанеттой и своими придворными, вступил в конфликт с Конституционной ассамблеей, вспыхнул бунт.

Разве мода могла обойти молчанием безумие, охватившее мир? – совсем наоборот. Она создавала новые виды головных уборов: «чепец Бастилия», украшенный трехцветным бантом, или другой, с еще более жестоким названием, – «кровь Фулона», появившийся после того, как недавно назначенного королем нового министра финансов Жозефа Франсуа Фулона³⁶ разъяренная толпа повесила на фонарном столбе.

После падения старого режима и взятия Бастилии ряды шикарной клиентуры Розы Бертэн поредели. Сторонники монархии эмигрировали, естественно, оставляя свои долги неоплаченными.

Аристократия уничтожена, у церкви отнято все ее имущество, власть бунтовщиков росла. В июле 1791 года королевской семье, которая так долго готовилась к побегу, удалось выбраться из Парижа. Все мантильи и драгоценности, перечисленные в бухгалтерских книгах мадемуазель Бертэн, несомненно, следовало было упаковать в кофры, которые королева собиралась взять с собой.

Эти приготовления глубоко огорчали мадам Кампан, даму, бесменно ведающую одеванием королевы. «Я застала ее в хлопотах, которые я считала бесполезными и даже опасными. Я сказала ей, что королева Франции везде получит для себя рубашки и платья». Но все предостережения пропали втуне. Мадам Кампан сама собрала для членов королевской семьи самое необходимое; чтобы упаковать одни только туалетные принадлежности королевы, потребовался сундук огромных размеров.

Такое яростное нежелание отказаться от роскоши даже в подобных неблагоприятных обстоятельствах спровоцировало и ускорило удар судьбы. Эти приготовления пробудили подозрения среди придворных. Первой почувствовала неладное дама, заведующая гардеробом королевы. В результате королевскую семью остановили в Варенне и под конвоем возвратили в Париж.

Автор сомнительных по правдивости «Мемуаров» Розы Бертэн сообщал, что якобы модистка должна была по поручению королевы передать секретную записку императору одного из европейских государств. Но вот подлинные факты: 1 июля 1792 года Роза Бертэн, прихватив многочисленные коробки с драгоценностями, уехала в Германию в сопровождении четырех своих работниц. Маркиза де Лаж, эмигрантка, присутствовавшая во Франкфурте на коронации императора, писала в своих «Воспоминаниях»: «Мадемуазель Бертэн обосновалась среди нас и по высоким ценам продавала нам свои ткани и свои способности...» Следовательно, ничто не запрещает полагать вместе с автором «Мемуаров», что

³⁶ Фулон, Жозеф Франсуа (1717 – 1794) – французский чиновник, в 1771 г. заведовал финансами, по приказу короля курировал поставку продовольствия в армию. Неумолимый к фермерам, был предметом их ненависти в это голодное время. Скрывался переодетым в одной из своих деревень, но был схвачен и доставлен в Париж, где разъяренная толпа повесила его, а голову, насадив на пик, таскала по всему городу.

Бертэн занялась такой оживленной торговлей, дабы скрыть свою политическую деятельность.

В октябре того же года модистка переехала в Лондон, где нашли пристанище большинство французских эмигрантов, ее клиентов. Там, как и во Франкфурте, знатные дамы не хотели оставлять своих привычек к шикарнейшей жизни и отказываться от украшений и пышных отделок для платьев. Некоторые из них в своих воспоминаниях превозносили щедрость и великодушные Розы Бертэн – без сомнения, модистка их одевала бесплатно.

А в Париже тем временем события разворачивались с безумной скоростью. Повстанцы захватили дворец Тюильри и заключили королевскую семью в тюрьму Тампль. Правда, двери ее оставались открытыми для портных, снабжавших платьями, косынками и чепцами королеву и мадам Элизабет, сестру свергнутого короля.

Тетради со счетами, в которых когда-то как в зеркале отражался период процветания и элегантности, фиксировали теперь огромное количество трагедий того времени. Племянник Розы Бертэн занимался изготовлением модных товаров вплоть до октября 1792 года. По всей видимости, он также в свой черед эмигрировал. Мадам Элофф (ее книга сказок, написанных в период с 1787 по 1793 год, опубликована), после того как стало известно о казни Людовика XVI, предложила королеве простое траурное платье.

Но даже право носить траур отняли у Марии Антуанетты, когда повели на эшафот. В повозку, доставившую ее к месту казни, она вошла в простой рубашке и юбке белого цвета, в чепце и муслиновой косынке, повязанной вокруг шеи. Последний путь ее лежал по улице Сент-Оноре, где пятнадцать лет назад Роза Бертэн, стоя на балконе своего дома, с торжествующим видом принимала приветствия проходившего внизу королевского кортежа.

Биографы Розы Бертэн утверждали, что модистка, верная памяти королевы, сожгла все ее неоплаченные счета. На самом деле в бухгалтерских книгах мадемуазель Бертэн не нашлось ни одной зацепки, которая доказывала бы правоту этого заявления. Напротив, складывается впечатление, что в заботах о прибылях модистка затеяла двойную дипломатическую игру: поняв, что имя ее значится в списках эмигрантов и ее недвижимость в Париже и Эпине опечатана, она стала писать властям письма, где разражалась бранью в адрес беглецов-аристократов, ничего не заплативших ей за тяжкий труд. И вот «гражданка Бертэн» вынуждена уехать за границу, чтобы иметь возможность продать свой товар с единственной целью – заплатить своим работницам, якобы сочувствующим санкюлотам. Кроме того, она исполнила свой республиканский долг, сшив новые рубашки всем членам «Горы»³⁷, то есть якобинцам.

В моду вошел патриотизм, все трехцветное – ткани, ленты, украшения; банты белого, монархического цвета срывались. Еще в апреле 1791 года газеты писали, что модницы-аристократки навязывали огромные банты величиной с капустный кочан. 13 июня 1792 года, менее чем за месяц до падения Тюильри, Бертэн в своей книге заказов сделала пометку: «Приколоть к шляпе банты из лент национальных цветов». В самом сердце революции, бросившей в мир призыв к свободе и ввергшей Францию в мучительную и страшную ночную тьму, впервые в мировой истории появляется эта удивительная запись – определение новой формы одежды и политического идеала. Длинные панталоны, короткая куртка санкюлотов, платье простого, прямого покроя, косынка и чепец гражданки – все это закономерная эволюция моды, которая приспособливалась к возможностям своего времени и выражала патристичную строгость. Суровый, лишенный украшений стиль, появившийся впервые за столько лет, стал победой разума, простоты в одежде, данью уважения к природе.

Никогда мода с такой точностью не рассказывала историю своей эпохи.

³⁷ В период Великой французской революции название левой демократической группировки Конвента, представленной партией якобинцев и занимавшей в Конвенте верхние скамьи (отсюда название).

* * *

Когда имя Розы Бертэн вычеркнули наконец из списков эмигрантов и она смогла в 1800 году вернуться в Париж, еще целых два года ей не удавалось зарегистрировать свое предприятие в Торговом альманахе. Ее племянник, как видно, открыл в ее доме лавку: в бухгалтерских книгах гораздо чаще встречаются названия безделушек и дорожных кофров, чем модных аксессуаров. В 1812 году Бертэн сама продала дом какому-то ресторатору. Закат ее стремительно приближался, и в октябре того же года ей пришлось заложить часы и последние драгоценности.

Леруа, властитель моды и общества, которое его обожествляло

Новый, постреволюционный, взгляд

Девятого термидора³⁸ Робеспьер³⁹ был низвергнут и приговорен к смерти. На следующий день имя его появилось уже в списке казненных на гильотине.

Полистаем «Парижскую газету»: сначала борьба между революционными группировками, затем – нескончаемые списки приговоренных к смерти. Причины обвинений еще печатаются, но спустя несколько недель списки осужденных становятся такими длинными, что место остается только для фамилии, возраста и пометки «Приговорен к смерти». Затем следуют театральные анонсы: в Опере идет спектакль о римском мифологическом герое «Гораций Коклес⁴⁰», в Театре Республики – «Брут⁴¹»; в Национальном театре – «Смерть Марата⁴²». Здесь все реальные события немедленно, целиком и полностью, переносятся на подмостки и отображаются правдиво и гораздо полнее, чем в исторических книгах.

Но после девятого термидора картина внезапно меняется: списки обреченных с каждым днем укорачиваются, героические драмы постепенно исчезают из театрального репертуара, и на их место приходят легкие комедии.

Террор закончился. Париж пока окутывает тревожная атмосфера горечи потерь и мятежа; выносятся и приводятся в исполнение приговоры. Но из тьмы уже пробиваются ростки жизнелюбия, вечного стремления к радости и желание выглядеть шикарно и элегантно.

Кто хотел сделать из парижских дам общество суровых горожанок времен Римской республики или аскетических жительниц Спарты? Это хорошо для простого народа, рыночных торговки, которые двинулись на Версаль за королевской семьей, чтобы привести ее в Париж. Но для новых знатных парижанок, для жен нуворишей, поставщиков армейских товаров, спекулянтов и торгашей не подходило совершенно.

³⁸ Одиннадцатый месяц года по республиканскому календарю, действовавшему во Франции в 1793 – 1805 гг., соответствовал периоду 19/20 июля – 17/18 августа.

³⁹ Робеспьер, Максимилиен Мари Изидор (1758 – 1794) – деятель Великой французской революции, вместе с Маратом руководил борьбой против жирондистов, добивался казни бывшего короля, главный вдохновитель якобинцев. Контрреволюционный переворот 27/28 июля 1794 г. привел к падению якобинской диктатуры, он и его соратники были арестованы и казнены на гильотине.

⁴⁰ Римский герой в войне с Порсеной (507 до н. э.), считался самым ярким примером римской добродетели.

⁴¹ Брут, Марк Юнион Цепион (85 – 42 до н. э.) – римский сенатор, известный как убийца Цезаря.

⁴² Марат, Жан Поль (1743 – 1793) – один из предводителей Великой французской революции, радикальный журналист, лидер якобинцев. Известен под прозвищем «друг народа» в честь газеты, которую он издавал. 13 июля 1793 г. за просмотром корректуры последнего номера газеты был убит кинжалом Шарлоттой Корде.



Костюмы эпохи Директории. Гравюра, 1797

Распахнули двери двадцать три театра; публика танцевала на тысяче восьмистах общественных балах; танцевали даже в упраздненных революцией монастырях – кармелиток, учеников иезуитов, в школах воспитанниц святой Марии. Во дворце Ришелье на историческом «балу жертв» собрались аристократы, которым Директория вернула имущество, конфискованное революцией. Вход на бал разрешен только супругу или супруге, брату или сестре кого-нибудь из казненных на эшафоте. Цинизм веселящихся на балу дошел до того, что многие повязали вокруг шеи красный шнурок, назвав его «а-ля гильотина». Мерсье негодовал: «Неужели на подобную идею их вдохновил танец смерти Гольбейна⁴³?!»

Балы следовали нескончаемой чередой, на них в изобилии представляли последние экстравагантные модные новинки. Щеголи времен Директории удивляли всех тщательно созданной видимостью беспорядка в костюме: узкие панталоны – слишком узкие по сравнению с широкими до смешного плечами сюртуков, шейными платками, завязанными в огромный бант, и с прической из всклокоченных, спутанных волос. Красавицы на этих балах появлялись в платьях из прозрачного муслина, а под них надевались длинные рубашки телесного цвета. Танцуя, они подхватывали рукой край платья, чтобы придать фигуре еще большую соблазнительность.

Прозрачные платья, полуприкрытая грудь – не протест ли это против навязанной революцией целомудренности? Такой «новый взгляд» продолжал жить и в первые годы нового режима. Он немедленно вызвал в свой адрес много иронии, даже со стороны модных журналов, и тогда, и в наши дни приветствовавших и пропагандировавших все новое. Один из таких журналистов заявил, что это индейцы Америки, которых белые люди заставили носить приличную одежду, отомстили своим завоевателям, внушив женщинам Парижа страсть к дикарской моде.

В самом деле, парижанки почти совсем перестали носить нательные рубашки, отважно выходя под дождь и на мороз в тонком муслине; ввели в моду хорошее здоровье, совершенно забыв о недомоганиях, и ели с большим аппетитом. Иностранцев, приезжавших в Париж, это так шокировало, что следующей модной новинкой они предрекали фиговый листок.

К платьям в греческом стиле с высокой талией с античными складками великолепно подходила прическа а-ля Тит⁴⁴ – из коротких буклей. Может быть, ее придумал какой-нибудь парикмахер? Вовсе нет – мода на эту прическу пришла из тюрем революции: дамы, прежде чем идти на эшафот, отрезали свои длинные волосы, чтобы оставить их на память близким

⁴³ Гольбейн, Ганс (1497 – 1543) – немецкий художник; среди его работ 41 гравюра на дереве, объединенные под названием «Танец Смерти». – *Прим. пер.*

⁴⁴ Тит (38 – 81) – римский император (79 – 81) из династии Флавиев, в Иудейскую войну захватил и разрушил Иерусалим.

и родным. Среди тех, кому посчастливилось избежать гильотины, родилась идея создать эту прическу, названную «жертва».

Парикмахеры именовали себя художниками и соперничали в умении передавать мысли и чувства с литераторами. Редактор одного модного журнала остроумно пошутил: «Сегодня утром я и мой приятель зашли к знаменитому цирюльнику посоветоваться по поводу нового фасона стрижки. Мастер посмотрел на моего друга и попросил его повернуть голову направо, затем налево; потом моему спутнику пришлось разозлиться, улыбнуться, изобразить на лице восхищение от созерцания красивой женщины, принимающей ванну; пришел черед потанцевать и высморкаться. “Месье, – сказал парикмахер, – этого мне достаточно. Теперь я вижу, что вам нужно, – нечто среднее между Титом, Каракаллой⁴⁵ и Алкивиадом⁴⁶. Посмотрите на эти бюсты: вот эта прядь Тита исполнена доброты, но совершенно необходимо дополнить ее этой прядкой от Каракаллы, придающей строгость, и оживить вот таким кокетливым локоном Алкивиада”». С полудня до самого вечера модницы занимались своим туалетом. Театры в то время очень часто превращались в демонстрационные салоны, где показывали новый фасон платья. Но апофеоз моды, парад «фантазии богини» традиционно приходился на скачки в Лонгшане⁴⁷: с первыми лучами весеннего солнца красавицы предъ-являли там на обозрение и утверждали самые смелые идеи в моде.



Парижская мода, 1802

Мужчины времен Директории едва ли меньше женщин увлекались поисками модных новинок. Они носили костюмы, созданные по эскизам художника Жака Луи Давида⁴⁸, и прически а-ля Брут, которые вошли в моду благодаря знаменитому актеру Тальма⁴⁹, блистательно исполнявшему в спектаклях роли Брута и Вольтера. Доходило до того, что некоторые мужчины из высшего света кичились своим богатством, но общественное мнение сурово клеймило подобное. Увы, стоимость бумажных ассигнаций, ходивших во Франции

⁴⁵ Каракалла, Септимий Бассиан (186 – 217) – римский император (211 – 217), установил жестокий террор, массовое избивание жителей Александрии. Убит заговорщиками.

⁴⁶ Алкивиад (ок. 450 – 404 до н. э.) – афинский полководец.

⁴⁷ Ипподром в Булонском лесу в Париже. – *Прим. пер.*

⁴⁸ Давид, Жак Луи (1748 – 1825) – французский живописец, основоположник французского неоклассицизма, активный участник Французской революции, с 1804 г. «первый художник Наполеона».

⁴⁹ Тальма, Франсуа Жозеф (1763 – 1826) – знаменитый французский актер, любимец Наполеона Бонапарта.

в то время, падала с каждым часом. В 1795 году за один луидор давали восемнадцать тысяч ливров в банкнотах. Волна спекуляций нарастала, кто только не пускался в махинации! Даже бывшие священники в белых париках что-то покупали, чтобы снова продать. Каждый сделался коммерсантом, и в салонных сплетнях распространялись слухи о нажитых миллионах. Даже самый скромный продавец-разносчик, ходивший со своими товарами от двери к двери, мнил себя финансистом.

Люди голодали, старая, поношенная одежда продавалась за баснословные цены, булочные опустели. И работающие, и те, кто уже вышел в отставку, не могли купить себе самого необходимого на ассигнации, ничего не стоившие. Но в «частных кабинетах» некоторых ресторанов, писал Мерсье, «вас могут обслужить: надо просто подмигнуть – и вы встретитесь со всеми представителями новых людей, разжиревших на воровстве, с поставщиками продовольствия в армию, ростовщиками, мастерами ночных грабежей».

Большой оригинал Мезанжер, одновременно священник, литератор и философ, издатель «Газеты о дамах и моде», настольной книги всех поклонников элегантности, не побоялся расхвалить удобство таких частных кабинетов: «...без них как женщине, связанной узами Гименея, избавиться от рабства, в котором изнемогает, обмануть деспота-мужа и доставить счастье чувствительному и предупредительному любовнику?»



Парижская мода, 1800

Бесконечный карнавал, верх человеческого безумия, бушевал в самом сердце всеобщей нищеты. Королевы престолярства задавали тон, предлагая темы, становившиеся для великого создателя и диктатора моды Леруа⁵⁰ благодатной почвой, питающей его фантазию. Эти дамы тоже основали свою «директорию»: мадам Амлен, мадам Тальен⁵¹ и Жозефина де Богарне⁵². Именно они постоянно встречаются в бухгалтерской книге Леруа: долги их – что за глупость платить! – достигают умопомрачительных сумм.

⁵⁰ Леруа, Луи Ипполит (1763 – 1829) – знаменитый парижский кутюрье, начал карьеру еще при Марии Антуанетте, но зенит его славы пришелся на правление Наполеона. Сумев понравиться императрице Жозефине, стал ее придворным портным. После реставрации Бурбонов сумел остаться в милости и при новой власти.

⁵¹ Тальен, Тереза (1770 – 1835) – одна из выдающихся женщин времен революции, дочь испанского финансиста де Кабаррюса. После низвержения Робеспьера вышла замуж за депутата Конвента Ж. Л. Тальена. Законодательница мод, красавица, имела свой салон.

⁵² Богарне, Жозефина де (1763 – 1814) – императрица Франции, первая жена Наполеона Бонапарта.

Кто подумал бы, что придет день и одна из них станет императрицей? Жозефина, вдова казненного в 1793 году виконта де Богарне, судя по портрету Жерара⁵³, была царственно красива. Но не польстил ли ей художник? Современники больше прославляли ее элегантность и роскошь туалетов, нежели красоту.

Баррас⁵⁴, влиятельный политик времен Директории, человек грубый и страдающий манией величия, подготовивший падение Робеспьера, дипломатично сострепал знакомство и сближение Бонапарта с этой богиней нового века: «Он начал с того, что принял преподнести мадам Богарне подарки и украшения во вкусе куртизанок. Это были не только шали, определенные денежные подношения и модные безделушки, но и бриллианты на весьма значительные суммы».

Однако, несмотря ни на что, мадам Тальен затмевала Жозефину в салонах. Прекрасная Тереза Кабаррюс, которую народ называл Богоматерь Термидора⁵⁵, написала седьмого термидора безумно любившему ее Тальену⁵⁶ из тюремного заключения: «Мне приснилось, что Робеспьера уже нет и двери тюрьмы открыты». Пророческие слова – Тальен воспринял их как сигнал к действию.

Получив свободу, обворожительная с прической из остриженных в тюрьме волос, она стала супругой Тальена и одновременно королевой Директории. Ее очаровательный дом «Хижина» в пригороде Парижа был теперь центром Высокой моды, где собирались люди нового общества. Вот набросок ее портрета, сделанный герцогиней д'Абрантес⁵⁷: «...передо мной стояла Венера Капитолийская, но еще более красивая, чем ее изобразил Фидий. Простое платье из индийского муслина с ниспадающими античными складками схвачено на плечах двумя камнями; золотой пояс обвивал талию и также застегивался камеей; широкий золотой браслет поднимался от запястья к локтю; черные бархатные волосы коротко острижены полукругом – эта прическа называлась “а-ля Тит”; на белые роскошные плечи набросана красная кашемировая шаль – для того времени очень редкое украшение...»

Тереза в мире моды пользовалась большим авторитетом, и не только Леруа, но и другие кутюрье и торговцы модными аксессуарами спорили за право быть ею рекомендованными. Среди них были даже цирюльники, число которых сильно возросло с тех пор, как установилась новая мода на белые парики, право на их изобретение оспаривали два парикмахера. Но нам достаточно того, что популярность и полную победу им обеспечила в 1794 году мадам Тальен: она заказала для себя не меньше тридцати таких париков различных оттенков: от светло-белокурого до пепельного, от рыжеватого до огненно-апельсинового. Как все новые аристократки и жены нуворишей, она меняла туалеты в зависимости от времени суток. День начинала с появления к завтраку в образе молодой нимфы, затем в греческом платье, погруженная в свои мысли, прогуливалась по аллеям парка Тюильри; вечером появлялась в театре, сверкая белоснежными плечами, чуть прикрытыми прозрачным муслином.

Но не только одежда выполнялась в античном стиле. Во время империи установился единый стиль в одежде и в отделке интерьеров; это запечатлено живописцем Давидом в

⁵³ Жерар, Франсуа Паскаль Симон (1770 – 1837) – французский историк и художник, стал популярным в 1800 г. после того, как Наполеон I поручил ему написать свой портрет и заказал в 1806 г. изобразить битву под Аустерлицем. Наиболее известные портреты: мадам Рекамье (1802), императрицы Жозефины и Людовика XVIII в его рабочем кабинете.

⁵⁴ Баррас, Поль (1755 – 1829) – французский политический деятель, организатор термидорианского переворота (1794) и член Директории с 1794 г.

⁵⁵ Мадам Тальен принимала активное участие в термидорианском перевороте и получила прозвище *Notre-Dame de Thermidor*.

⁵⁶ Тальен, Жан Ламбер (1767 – 1820) – якобинец, член французского Конвента с 1792 г., один из главных руководителей термидорианского переворота 1794 г. – *Прим. пер.*

⁵⁷ Д'Абрантес, Лаура (1784 – 1838) – дальняя родственница Наполеона I, жена генерала Андоша Жюна, автор знаменитых мемуаров в 18 т. *Mémoires ou Souvenirs Historiques*, являющихся одним из основных литературных памятников эпохи Наполеона Бонапарта.

знаменитом портрете мадам Рекамье⁵⁸, полулежащей на кушетке. Портрет завораживает гармонией драпировки покрывала, наброшенного на кушетку, простоты платья мадам и сдержанно изогнутых линий мебели, вкуче представляющих совершенство стиля, которому впоследствии суждено распастыся и прийти в упадок. А тогда «Хижина» мадам Тальен представляла собой римскую виллу, окруженную колоннами и украшенную помпейскими фресками с непременно бассейном во внутреннем дворике.

Неудивительно, что здесь можно было увидеть облаченных в античные туники красавицу Жозефину (познакомилась с Терезой в тюрьме), молодую мадам Рекамье, мадам де Сталь⁵⁹ – этих фей, упразднивших ношение нижних сорочек. В салоне Терезы иногда появлялся Бонапарт, «мрачный маленький генерал», как шутя называли его гости.

Баррас, тщеславный Баррас, исключивший Тальена из правительства Директории, без труда добился самого радушного приема во всех салонах. Сначала любовник Жозефины, предоставивший ей после освобождения из тюрьмы жилье и экипаж для выездов, он теперь увлекся Терезой Тальен, восхищенный ее красотой и могуществом.

Во время свадьбы Бонапарта и Жозефины Тереза была еще в почете и удостоилась роли свидетельницы. Но после государственного переворота восемнадцатого брюмера⁶⁰ захвативший власть Бонапарт пожелал для своей жизни, получившей новое направление, достойного окружения, не имеющего ничего общего с нравами, царившими при Директории. Терезу изгнали из салона Жозефины, и даже впоследствии, когда в 1805 году она вышла замуж за принца Караман-Шимея и принимала у себя высшее парижское общество, двери во дворец Тюильри все равно оставались для нее закрытыми. Только добропорядочность открывала путь ко двору Наполеона.

⁵⁸ Рекамье, Жюли (1777 – 1849) – выдающаяся женщина своего времени, ее красота в сочетании с искренностью и умом покоряла художников (Давид, Жерар, Шинар). Создала свой салон, который превратился в интеллектуальный и артистический центр Франции того времени, куда были вхожи самые знаменитые личности.

⁵⁹ Сталь (Сталь-Гольштейн), Анна Луиза Жермена де (1766 – 1817) – французская писательница, теоретик литературы, публицист, основательница романтической школы во Франции.

⁶⁰ 9 ноября 1799 г. (восемнадцатого брюмера по французскому революционному календарю) Наполеон Бонапарт разогнал Совет пятисот (нижнюю палату парламента) и обрел почти неограниченную власть.

Политика Наполеона – поощрение роскоши

Великая армия обрушилась на Европу. Наполеон успевал повсюду: командовал на полях сражений, проводил внутреннюю политику, подготавливая экономические реформы. Он решил, что Лион сделается поставщиком шелка на европейский рынок, а в Сент-Кантене наладится производство хлопчатобумажной пряжи с использованием самого современного оборудования. Во всей Франции основной промышленной отраслью стало ткачество. Французские шелк, бархат и парча ценились в мире больше всех других. Шерстяные ткани превосходили мягкостью лучший восточный кашемир. Льняное волокно не уступало в тонкости лучшему английскому.

Роскошь, привычное слово времен империи, станет таким же средством выражения могущества эпохи Наполеона, даже более красноречивым, как известия о победах, и более постоянным и надежным, чем военная слава. Современник писал в мемуарах, что во дворце Тюильри пробил час, когда на смену сабле и грубым сапогам пришли шпага и шелковые туфли. Но роскошь превратилась в прибыльное дело, только когда стала учитывать колебания вкуса. Она была изобретением моды, когда женщины стали переодеваться по любому случаю; создавать драгоценности специально для каждого туалета, а на тканях без конца выбивались все новые рисунки. Капризы моды дали импульс промышленности, ускорили денежный оборот и укрепили расшатанную финансовую систему государства. Пожалуй, именно стремление обладать предметами класса люкс скрывается в снобизме парвеню и нуворишей того времени. Но роскошь желательна, только если ее продукцией пользуются. Увы, светское общество делало все возможное, чтобы весь мир продолжал покупать тюль и муслин английского производства. Эти ткани такие тонкие, что их легко провезти тайком через любой таможенный пост. Англomania, уже достаточно выраженная в эпоху Людовика XVI, достигла такой силы, что парижские фабриканты, дабы не разориться, ставили на своих товарах метку *Made in England*. Конец этому положил мощный патриотический порыв – толчок ему дала революция. Кокетки и модницы предпочитали носить восточные шали, ирландские туфли, английские ткани, итальянские шелка, фламандские кружева.

В этих предпочтениях таился, и не без причины, большой урон для французской экономики. Уже во времена Директории Талейран⁶¹ готовил кампанию по бойкотированию иностранной моды. Ожесточенная борьба против ввоза любой продукции иностранного производства стала основой экономической политики империи. Этот запрет Наполеон распространил и на аристократические салоны, написав в 1806 году губернатору Парижа: «Пусть ваши жены остерегаются попадаться мне на глаза в платьях из английских тканей». Чтобы лучше понять эту политику, следует вернуться к причинам, ее вызвавшим. Декретом революции 1793 года были отменены все связи со странами, поддерживающими Англию в ее борьбе против Франции. Ввоз английского текстиля был запрещен. Но все впустую: больше чем когда бы то ни было запасали впрок контрабандные товары, чаще чем во все прежние времена женщины шили платья из английского муслина и тюля. После поражения в Трафальгарском сражении⁶² ничто уже не могло остановить наступления антианглийской политики Наполеона. Декрет 1806 года расширил права таможенных служб, в частности в отношении санкций к английскому текстилю. В том же году континентальная блокада сомкнулась вокруг Франции, отрезав к ней все дороги, и страна оказалась в полной изоляции. Воен-

⁶¹ Талейран, Шарль Морис (1754 – 1838) – французский дипломат, министр иностранных дел в 1797 – 1799 гг. (при Директории), в 1799 – 1807 гг. (в период консульства и империи Наполеона I), в 1814 – 1815 гг. (при Людовике XVIII). Мастер тонкой дипломатической игры.

⁶² Крупнейшее морское сражение между английским и испано-французским флотами, которое состоялось 21 октября 1805 г. у мыса Трафальгар, около г. Кадис (Испания). В этом сражении погиб Нельсон.

ные завоевания и экономическая политика в равной степени утверждали могущество Наполеона. В конце концов был учрежден грозный Европейский союз во главе с императором Франции. В Риме действовали те же законы, что и в Париже; голландские провинции стали французскими департаментами; члены семьи Бонапарт поделили между собой европейские королевства. Наполеон мог бы заявить: «Европа – это я!»



Парижская мода, 1805

Всеми способами он старался поднять промышленное производство и покупательную способность французских граждан. Программой-минимум стала для него модернизация промышленности страны, целью которой было перегнать Англию по выпуску всех видов продукции. Уже в конце XVIII века благодаря использованию новых машин, изобретенных англичанами Ваттом⁶³ и Аркрайтом⁶⁴, в Великобритании появилась возможность производить ткани большими партиями, тогда как во Франции все еще сохранялся старинный, ручной метод ткачества.

Настоятельная потребность к обновлению пробуждала воображение и стимулировала таланты; устаревшие системы перестали использоваться. В Лувье и Седане установили машины, чудесным образом похожие словно две капли воды на английские ткацкие станки. В Сент-Кантене стали производить льняные и муслиновые ткани такого качества, что англичане позавидовали бы. Из Валанса поступали легчайший батист, прозрачный тюль и, главное, тонкое кружево, рисунки и технику производства которого пытались многие скопировать, но безрезультатно. Французский текстиль, прославившийся вскоре на весь мир, завоевал прочную славу.

Позднее Наполеон писал генералу Коленкуру⁶⁵: «Именно я создал французскую индустрию». Уже в изгнании на острове Святой Елены он характеризовал свой запрет на импорт английских тканей как «государственный переворот».

⁶³ Ватт, Джеймс (1736 – 1819) – шотландский изобретатель, создал первый паровой двигатель в 1769 г.

⁶⁴ Аркrait, Ричард (1732 – 1792) – английский изобретатель, создал практически пригодную прядильную машину.

⁶⁵ Коленкур, Арман Огюстен Луи де (1773 – 1827) – французский генерал, дипломат, оставил мемуары о походе Наполеона в Россию.

Надо сказать, что благодаря Наполеону в моду вошел один элемент одежды иностранного происхождения – шаль из шерсти диких кашмирских коз. Тонкая, легкая, она хорошо защищала от холода декольтированные плечи дам. Элегантная, спадавшая красивыми складками шаль подчеркивала изящные формы или, напротив, скрывала недостатки фигуры. Во время Египетской военной кампании⁶⁶ Наполеон послал из похода похожие шали Жозефине, и та писала о них своему сыну Евгению де Богарне: «Я получила шали. Может быть, они и самого высокого качества, и такие дорогие, но очень уж некрасивы. Основное их преимущество – легкость. Сомневаюсь, чтобы эта мода прижилась».

Кто подумал бы, что всего несколько лет спустя эти шали не только войдут в моду, но сделаются обязательным аксессуаром дамского туалета? Сама Жозефина стала настолько горячей их поклонницей, что приобрела для своего гардероба около четырехсот шалей. Столь многочисленные, они служили разным целям: из них можно было делать платья, они могли служить покрывалами на кровати, в конце концов, просто подстилками для собачки.

Неужели кашемировые ткани, так полюбившиеся императрице, придворным дамам и всем модницам, придется все время закупать за рубежом? В решение этой проблемы вмешался Наполеон, он нашел человека, который превосходно имитировал модную ткань, и надобность в ее импорте отпала. Этим человеком был Терно⁶⁷, эмигрировавший в свое время из Англии, он привез с собой многочисленные секреты изготовления пряжи и тканей. Уже в 1805 году мастер начал изготавливать более трех тысяч шалей в год.

Терно даже посетила гениальная идея организовать во Франции выращивание овец тибетской породы. В самое сердце Азии направили делегацию востоковедов из Национальной библиотеки, с тем чтобы приобрести стадо таких овец. Делегация задание выполнила и вернулась во Францию с двумястами пятьюдесятью животными (более сотни овец умерли по дороге), и разведение наладили. Терно удалось не только производить шали стоимостью намного ниже привозных, но и превзойти оригиналы по красоте благодаря изяществу рисунков, различным нюансам и типично французскому воображению, с которым он придумывал свои модели. По всей стране множились мануфактуры Терно, и в знак благодарности Наполеон пожаловал ему титул барона империи.

Бонапарт, когда женился на Жозефине, предчувствовал, что она, богиня салонов времен Директории, станет отныне образцом для подражания всем модницам из будущего окружения. Интуиция его не обманула: он делал все возможное, чтобы его правление блеском и славой превосходило царствование Короля-Солнце, и Жозефина вносила достойную лепту в осуществление мечты супруга. Конечно, ей не хватало стиля, но она умела скрыть этот недостаток несравненной роскошью своих туалетов.

Мадам де Ремюза, фрейлина императрицы, рассказывала сотни пикантных анекдотов о своей хозяйке и ее расточительности. Из них нам известно, что, несмотря на личный бюджет в семьсот тысяч франков, Жозефина все равно делала большие долги. Любая мелочь служила ей предлогом заказать новое платье или украшение. В ее прихожей не прекращался поток из разносчиков покупок, продавцов модных товаров со знаменитым Леруа во главе, модисток, ювелиров, в невообразимом количестве осаждавших ее апартаменты. Император потворствовал любым капризам супруги, вплоть до того, что заказал для нее наряд, в котором соединились цвета всех покорившихся его власти королевств.

Царствовала роскошь; за ней последовал небывалый подъем национальной экономики. Такой роскоши не знал даже Версаль: шкафчик, где хранила свои драгоценности Мария Антуанетта, сделался мал для украшений новой императрицы. Чтобы стимулировать рост

⁶⁶ В 1798 – 1801 гг. по инициативе и при непосредственном руководстве Наполеона Бонапарта была сделана попытка завоевания Египта.

⁶⁷ Терно, Гийом Луи (1763 – 1833) – французский фабрикант, создал и начал производить свою тонкую шалевую ткань из козьего меха и шерсти, которая в дальнейшем стала называться «терно».

покупательной способности населения и зародившейся французской индустрии, Наполеон поощрял введение в моду все более роскошных предметов туалета. Так, при нем возобновилась продажа велюровых тканей, парчи и узорного шитья, выполненного золотыми и серебряными нитями и драгоценными камнями. Быть может, чтобы пресечь моду на платья из слишком легких тканей, Наполеон, став первым консулом, приказал заложить во дворце Тюильри все камины. Но часто власть моды бывает сильнее даже могущества диктатора: женщины, рискуя основательно простудиться, оставались верны нарядам из тонкого муслина и тюля.

Однако придворным дамам пришлось подчиниться требованиям императора, который ввел правило носить роскошные платья из расшитого велюра или золотой парчи. Наполеон зашел так далеко, что требовал от своих придворных постоянного обновления туалетов.

Долг мужей был обеспечить жену необходимым количеством нарядов, даже если это грозит ему полным разорением. Однажды император, увидев даму второй раз в одном и том же платье, осведомился: «Мадам, у вас только одно платье?» Самой графине д'Абрантес, приглашенной на императорский прием, пришлось спешно покинуть церемонию, потому что в этом наряде она уже появлялась при дворе.

Из истории нам известно, что император развелся с Жозефиной потому, что она не могла дать трону наследника, которого все так ждали. Но очень часто значительные события находятся в зависимости от ничтожных фактов и порой провоцируются ими. Мысли о разводе только еще начали приходить императору в голову, как произошел такой случай: Наполеон, направляясь в покои к Жозефине, столкнулся с продавщицей шалей, которую та выгнала из комнаты. К жене он вошел очень разгневанным. Напрасно Жозефина оправдывалась, мол, продавщицу позвала к себе мадам Летиция (мать Наполеона). Император тотчас расспросил мать, так ли это. Мадам Бонапарт пыталась сначала выгородить невестку, но правда все-таки выплыла наружу. Несколько свидетелей этого происшествия утверждали впоследствии, что этот пустяковый случай стал для Наполеона предлогом незамедлительно начать процедуру развода.

Два года спустя император женился на австрийской принцессе Марии Луизе и был, казалось, совершенно равнодушен к тому, что его новая супруга совсем не интересовалась туалетами. Основная его забота была теперь, чтобы заставить жену забыть о различиях между ее родным домом, императорским, основанным на многовековой традиции родового наследования престола, и своим двором, созданным им самим, выходящем из низов. Перед прибытием новой императрицы Наполеон нанял учителя танцев, чтобы тот обучил дам из его семьи, носящих фамилию Бонапарт, аристократическим манерам, поскольку они будут представлены молодой даме, в чьих жилах течет подлинная императорская кровь. Он выписал из Вены несколько модных в Австрии туалетов. Леруа их скопировал и подогнал под французский вкус. Понравились ли они Марии Луизе? Вот отрывок из воспоминаний очевидца: «Месье Леруа переделывал в своей мастерской платья императрицы, которые ему вернули из дворца. Никогда ни он, ни другие мастера не ходили на примерки к Ее Величеству: горничные императрицы указывали ему, какие изменения необходимо сделать».

Впрочем, неважно, какой вкус был у Марии Луизы, перед ней не стояла задача привить французскому народу тягу к роскоши и изяществу. В первый же год ее замужества начался тяжелый экономический кризис. Наполеон правильно оценил сложившуюся ситуацию и, несмотря на колоссальное богатство правящих кругов, понял, что недалек тот день, когда темпы производства превысят внутренний спрос на предметы роскоши, и уже продумывал способы экспортировать французские товары во все страны Европы. Однако благодаря военным победам амбиции Наполеона не знали границ. Вместо того чтобы заключать с побежденными государствами экономические соглашения, он обращался с ними как со своими вассалами. Из-за непрекращающихся войн исчезали товары первой необходимости, произ-

водство стало сокращаться, а отступление из России одним махом уничтожило индустрию предметов роскоши. В то время как армии сталкивались друг с другом на полях брани, в тылу процветала торговля из-под полы – спекуляция. Состояния, приобретающиеся за один день, терялись в несколько часов.

Все же образ Парижа не менялся, и город сумел сохранить лицо даже под ударами судьбы. Экономика испускала последние лучи славы наполеоновского режима, неминуемая катастрофа ощущалась еще не всеми. Только посвященные знали о ней и беспокоились: мадам Летиция, мать Наполеона, больше не верила в звезду сына и свои личные деньги втайне от него перевела в Англию.

Тайный советник

«Такому человеку, как вы, нужен такой человек, как я», – сказал однажды Наполеон Луи Ипполиту Леруа, кутюрье, поставщику императорского двора. Эта фраза и определила климат, в который счастливая судьба занесла волшебника моды, придумывавшего отделки платьев, украшения и многое другое. Уже при Директории направлявший безумства модниц в нужное ему русло, он стал «тайным советчиком» Наполеона в политике внедрения предметов роскоши в повседневную жизнь.

О происхождении Леруа нам известно только то, что он родился в 1763 году в семье рабочего, служившего в парижской Опере. Его первыми играми была демонстрация искусственных чудес: он научился одним взмахом руки являть солнце, облака, гром, молнию, штормы. Проводя много времени среди костюмерш и цирюльников, юноша понял, что его призвание – делать прически. Сколько времени он занимался этим делом? Ипполит Оже⁶⁸, журналист и драматург, писал в своих мемуарах, что Леруа якобы посещал Версаль и делал прически Марии Антуанетте и двор выражал восхищение его работой.

Фасоны одежды революционного времени, снижение уровня жизни – все это противоречило его вкусу, любви к редким, изящным и дорогим вещам. Возможно, поэтому он и старался собственной манерой одеваться демонстрировать верность своим бывшим клиентам-аристократам. Говорят, его встречали на парижских улицах одетым так же, как они когда-то: камзол из розового атласа, туфли с острыми носами и парик с напудренной косичкой. Попал ли он в тюрьму по единственному обвинению в щегольстве, как утверждает один из современников? Рассказывают, что однажды Леруа буквально испарился на глазах следившего за ним полицейского агента. Это произошло в Опере, во время спектакля. Леруа просто спрятался в одном из картонных облаков – декорации, так хорошо знакомой ему с детства.

К ужасу Леруа, его вызвали на заседание Конвента, но, к счастью, он понадобился только для консультации по вопросам одежды. Ассамблея ожидала от него определенных действий, чтобы дать гражданам одежду, достойную идей революции. Одним ударом он убил в себе любовь к старому режиму и заметил восходящую звезду новой славы. Из всех набросков, сделанных художниками, с ловкостью оппортуниста он выбрал те, что наиболее открыто выражали патриотические пропагандистские идеи времени: одежду, выполненную в трехцветной гамме национальных цветов, на окантовке вышит девиз «Свобода. Равенство. Братство», а на поясе – «Свобода или смерть!». Теперь взлет карьеры Леруа был обеспечен. В глубине души Леруа, несомненно, презирал революцию, но тем более вызывает восхищение то совершенство, с каким он исполнял свою новую роль! К волосам простых женщин он приколот трехцветный бант. Этот же самый бант на буклях роялистов назывался «терновым венком». Вот так в его руках революционный чепец превращался в шутовской колпак для бывших аристократов.

После падения Робеспьера Леруа сумел просочиться в ряды общества, переживавшего подъем. Там он оказался в своей стихии. Его магазин, устроенный на улице Пти-Шан, не имел того блеска, каким отличались роскошные салоны, которые придут ему на смену. Но он знал, что высокомерие в почете в высшем обществе, и потому, продавая какую-нибудь шляпу, обязательно уверял своего клиента, что «дураку эта шляпа не пошла бы».

Как все знаменитые кутюрье, Леруа обладал безошибочным чутьем на колебания вкусов в одежде. Когда аристократы, вернувшиеся из эмиграции, попытались восстановить

⁶⁸ Оже, Ипполит Николь Жюст (1796 – 1881) – французский писатель, критик, драматург. Неоднократно бывал в России. Известны его мемуарные записки.

фижмы и букли старого режима, он сумел убедить их не отвергать моду нового времени. Эта мода имитировала античный стиль, ткань цвета песков Египта или греческого мрамора драпировалась в строгие складки. Но Леруа предчувствовал появление правящего класса, желавшего выставить напоказ свое богатство, и ввел в этот строгий фасон роскошную отделку из драгоценных камней или вышитых цветочных орнаментов. Мадам Боно, его компаньонка, довольно посредственная, быть может, модистка, носила созданные им платья с таким шиком, что служила лучшей рекламой его продукции.



Парижская мода. Гравюра, 1801

Леруа были чужды угрызения совести: он переманивает у конкурентов самых обходительных продавщиц и наиболее умелых закройщиков, всеми правдами и неправдами добывает самые удачные и многообещающие их выкройки и лекала и, выдавая за свои, шьет по ним туалеты под собственной маркой. Но что значат для модниц подобные мелочи! Называя Леруа «необходимым», они простили ему цинизм, когда он, построив на улице Ришелье роскошное ателье на деньги своей новой компаньонки, поспешил от нее избавиться, оставив всех рабочих и модельерш. А компаньонкой была не кто иная, как знаменитая мадам Рембо, которую газетчики прозвали «архангелом Михаилом от моды». Модельеры, пострадавшие от коварства Леруа, пытались ему отомстить, копируя его модели и продавая по более низкой цене. Тем лучше! Даже плохая копия утверждает и разносит еще шире славу оригинала. Без сомнения, Леруа угадал взлет Бонапарта и сделал все от него зависящее, чтобы снискать расположение Жозефины. Никакому любовнику, пусть самому умелому и терпеливому, не удалось бы так быстро покорить женское сердце. Вначале Леруа продавал модные безделушки слугам и фрейлинам Жозефины и так, через черный ход, добрался до ее личных апартаментов во дворце Мальмезон. На следующий день двери всех богатых домов гостеприимно распахнулись перед ним, а Жозефина стала для него средством достижения богатства и славы.

А какую изобретательность он проявил в операции по устранению известной Жермон, модистки, пользующейся доверием Жозефины! Сначала он расхвалил достоинства своей соперницы, затем, расхрабрившись, стал отпускать в ее адрес колкие замечания и, в конце концов, просто ее высмеял. Мало-помалу Леруа целиком взял на себя обязанность следить за гардеробом Жозефины и, воспользовавшись ее благосклонностью, был введен в аристократические дома Парижа. К его услугам прибегали все признанные красавицы и жены нуво-

ришей. «Счета от Леруа производили по крайней мере такой же переполох, как любовные письма», – писал Джой, ироничный журналист-обозреватель того времени.

В тот день, когда Леруа придумал для Жозефины очаровательную накидку, выкроив ее из кашемировой шали, он одним взмахом ножниц перевел себя из категории торговца модными товарами в ранг кутюрье. Благодаря деловой хватке он расширил поле деятельности, включив торговлю всеми туалетными принадлежностями, перчатками, шляпами, чулками, бельем, мехами, цветами, перьями, духами. Послушный инструмент однодневной политики, он ловко объединял собственные интересы с патриотизмом, покупая продукцию только у французских производителей: шелковые и велюровые ткани – у лионских фабрикантов, тюль и кружева – в Валансе, кашемир – у мануфактуры Терно.

А Жозефина? Хранила ли она что-нибудь в секрете от своего кутюрье? Кажется, Леруа загодя узнавал обо всех намерениях Бонапарта. Коронация стала бы грандиозной задачей для его творческой мысли, и он уже создавал в воображении туалеты для этой церемонии, ожидая, что лавры коснутся его чела одновременно с тем, как будет провозглашен новый правитель Франции. Увы, мечты рассеялись, и будущий император поручил художнику Изабе⁶⁹, ученику Давида, нарисовать эскизы к коронационным костюмам. Потребовалось все обаяние Жозефины, чтобы вырвать у жестоко оскорбленного Леруа обещание сшить парадные платья по эскизам Изабе. Эти изделия, тем не менее, еще раз доказали гениальность Леруа как кутюрье. Изабе задумал их в сдержанных линиях, отвечающих непреложной строгости ритуала. Леруа вдохнул в них грацию, утонченное изящество, женственность. Атласные ткани нежных оттенков мерцали на свету, теплые тона расшитых золотом, струящихся складками бархатных шлейфов добавляли великолепия всей церемонии.



Карикатура на моду эпохи романтизма, 1820-е гг.

Постановщик и распорядитель коронации, Давид на протяжении многих недель придумывал, как разместить всех участников церемонии, сначала манипулируя картонными фигурками, затем репетируя со всеми действующими лицами. Наконец, настал день, когда Наполеон, окруженный своей корсиканской родней и двором, состоящим из выскочек и авантюристок, ставших по его желанию новой аристократией, водрузил на голову корону, которую, по его выражению, «подобрал с земли». Уникальная минута рождения новой моды

⁶⁹ Изабе, Жан Батист (1767 – 1855) – французский художник школы Давида, придворный живописец Наполеона I, Людовика XVIII и Луи Филиппа.

стиля ампир, наполеоновского стиля, навсегда запечатлена на картине Давида «Коронация Наполеона». Грандиозной церемонии – грандиозный счет: затраченные суммы навсегда сохранились в бухгалтерской книге Леруа.

Теперь кутюрье достиг вершины славы; ему все позволено, ни одна знатная дама не осмеливается противиться его законам. Придумывая новые силуэты, он полагается на свою интуицию, изобретает, очаровывает, заставляет, из ничего создает шедевры. Послушаем, что рассказывает графиня д'Абрантес об одном платье своей приятельницы, одевавшейся у Леруа: «...нижняя часть платья из белого атласа тоже сделана Леруа. Верхняя часть сшита из белого тюля с окантовкой из белого шелка, гладкого и блестящего. Вышивка представляет собой гирлянды мирты с маленькими стреловидными листочками и такими же завитками, и все это выполнено белым по белому. Вышивка поднимается, сужаясь, и на уровне талии исчезает совсем. Рукава не слишком узкие и не слишком пышные. Что касается талии, она в то время была не слишком завышена. А низ платья отделан гирляндами голубых и белых гиацинтов. Большой букет гиацинтов, приколотый к платью, дополняет и придает чувство законченности всему туалету – все отдельные части его могли бы существовать и сами по себе». Легко представить себе, какой восторг вызвало такое великолепие!

Впрочем, модные газеты и журналы предназначались для дам высшего общества, среди них было много читательниц и подписчиц этих изданий. В течение недолгого времени публикации о моде оставались независимыми от общественного мнения и могли позволить себе критику в адрес знаменитых мастеров – создателей одежды.

Модные издания критиковали также подъем социального статуса портных: «Месяе портные презирают теперь швейное ремесло и отныне заняты только тем, что сами называют рисованием одежды». В самом деле, портные стали называть себя художниками и утверждали, что одежда должна служить до тех пор, пока не сносятся две пары обуви, причем каждой паре срок отпускался не больше месяца. Если заказчик приносит в ателье свою ткань, портные возмущались: «Я привык работать только со своим материалом!»

А сам Леруа одевал своих современников? Мы располагаем множеством счетов за мужские парадные костюмы, каждый на сумму больше четырех тысяч франков. Однако среди придворных щеголей гораздо большей популярностью пользовался личный портной Наполеона – Шевалье. Он создал для коронации много мужских костюмов, расшитых золотом. Но самым модным портным в то время был Леже, он одевал всех членов семьи Бонапарта, и тот лично вызвал его во дворец, когда перед свадьбой с Марией Луизой ему показалось, что он выглядит недостаточно элегантно.

Трудные времена переживали парикмахеры, особенно с той поры, когда белые парики вышли из моды. Но все же некоторым из «профессоров по уходу за волосами» благодаря таланту и сноровке удалось добиться выдающихся успехов. Осталось много хвалебных отзывов о придворном цирюльнике Эрбо, который всегда сопровождал Жозефину во всех ее поездках; о Дюплане – его фиксированная заработная плата составляла тысячу двести франков в год; о Жоли, литераторе, отбившемся от своей стаи и попавшем в клан парикмахеров.

Парфюмеры находились в более выигрышном положении и умели им воспользоваться – ведь никогда не бывает слишком много косметических товаров и туалетной воды. Знаменитый Дом Убиганта, чья слава дошла и до наших дней, под протекцией мадам Рекамье создал духи «Рекамье», и они произвели фурор.

В 1814 году Альманах мод выражал удивление по поводу бесцеремонного вмешательства мужчин в мир женской моды: «Когда видишь мужчин, посягающих на женское ремесло, это сближение вкусов невольно заставляет думать, что, возможно, природа допустила в отношении этих мужчин какую-то ошибку».

Не бросают ли эти строки тень и на Леруа? Наводят на размышления и описания, оставленные Оже: «Руки Леруа были очень белыми, ногти розовыми. Он часто принимал

своих подчиненных во время, когда принимал ванну, и многие утверждали, что купался он в молоке, куда были добавлены ароматические вещества».

В его частной жизни существовала тайна. Временами он исчезал, и некоторые свидетели утверждали, будто встречали его в комнатах королевского дворца одетым и накрашенным, как женщина. Это лишь ярче выделяло некую особенность его жизни, исполненную роскоши и пышности. Его модное ателье на улице Ришелье, расположенное в самом центре элегантной жизни Парижа, само по себе было храмом роскоши. Входящего поражало обилие зеркал, бронзы, люстр из венского стекла, мебели, сделанной знаменитым краснодеревщиком Жакобом. Коляска Леруа, рассчитанная на четверку лошадей, за которых он заплатил не меньше трех тысяч франков, могла поспорить с самыми изящными экипажами богатых купцов, приезжавших из Лондона.

Но этого было недостаточно для удовлетворения гордости Леруа. Он умолил императрицу одолжить ему на свадьбу своей дочери карету с императорскими гербами. Здесь он хватил лишку, но Жозефина удовлетворила его просьбу, и тогда к ней ворвался разгневанный император: «Пусть берут фиакр, я не потерплю, чтобы какая-то лавочница ехала в моей карете!» Императрица доверяла Леруа и прекрасно знала, что ни одна другая женщина, хоть сама королева, не похвастает, что носит платья тех же фасонов, что кутюрье создал для нее. Она даже доверяла ему свои драгоценности, чтобы он по своему вкусу подбирал подходящую к ним отделку для туалетов императрицы. Для показа этих парадных платьев Леруа организовал настоящую выставку с входными билетами и охраной у входа из своих слуг. Сам он охотно стал наперсником двора, что ему еще прибавило славы. Какая женщина не побоится бы попасть в немилость к императрице, торгуясь по поводу представленного ей счета с человеком, которому известны государственные секреты? Сами мужья этих дам, получив очередную записку, беспрекословно выплачивали указанные суммы, иногда достигавшие сотни тысяч франков в год.



Прогулочное платье со спенсером, Париж, 1818

Самодовольство и чванство Леруа были настолько всем известны, что весь город с восторгом встретил пародийный спектакль Джоя «Продавец модных товаров», сыгранный в 1808 году на сцене одного парижского театра. В повадках персонажа пьесы месье Крепанвиля, окруженного сонмом гризеток, наперебой воспевающих его, «бога шифонов», все узнали Леруа. И повторяли реплику, которая, намекая на ложную скромность персонажа, дерзко высмеивала прототип:

Хвалебные речи мне досаждают.
Моя скромность вполне довольна,
Если повсюду обо мне говорят:
«Вот он – король мод!»

Известный французский кутюрье добился признания и в других странах. Его клиентки, отбывая за границу ко дворам иностранных монархов, везли с собой туалеты, созданные Леруа, доверху забивая почтовые дилижансы кофрами с одеждой и картонками со шляпами. Леруа мог гордиться: его заказчицы – королевы и императрицы всех европейских государств. Он небрежно цитировал распоряжения королей Испании, Баварии, Швеции, великой герцогини Баденской и, естественно, всех сестер Наполеона: Каролины, королевы Неаполя⁷⁰; Элизы, герцогини Тосканской⁷¹, и Полины⁷², прекрасной принцессы Боргезе, послужившей итальянскому скульптору Антонио Канове⁷³ моделью для его знаменитой мраморной Венеры.

Вот портрет, принадлежащий кисти Лефевра⁷⁴ (сегодня находится в Версале). Изображенная на нем женщина, безусловно, об этом свидетельствуют многие признаки, одета в ателье Леруа. С каким великолепием и искусством создан придворный костюм: плащ голубого атласа; откинута пола его открывает белое атласное платье, расшитое и окаймленное золотом; высоко под грудью оно схвачено поясом, украшенным камеей с изображением Наполеона в окружении бриллиантов.

Откуда этот волшебник, создавший столько чудес, черпал свои идеи? В противоположность современному кутюрье, который делает сезонную коллекцию одежды и повторяет модели для всех своих клиентов, Леруа не позволял себе «самокопироваться». Каждое его платье уникально, он не должен повторяться, ни в коем случае. С этой целью он досконально обшаривал все музеи, изучал картины Давида и других художников империи. Один художник, не слишком талантливый, очень ловко срисовывал фасоны одежды и стал незаменимым помощником Леруа. Это был Гарнери. На его счет упражнялся в остроумии Оже: «Все видится в розовом и бледно-голубом. Он не рисует, он окутывает дымкой. В его линиях все мутно и обманчиво, как и в его красках».

Оставляя без внимания подобные укусы критики, Леруа знал, как использовать Гарнери, к тому же он предпочитал иметь такого помощника, чтобы он не стал соперником ни

⁷⁰ Каролина (Мария Аннонциада) Бонапарт (1782 – 1839) – сестра Наполеона I, супруга короля Неаполя Иохима Мюрата (1767 – 1815), в 1808 г. стала королевой Неаполитанской.

⁷¹ Элиза (Мария Анна) Бонапарт (1777 – 1820) – сестра Наполеона I, в Париже завела салон, в котором собирала самых знаменитых деятелей французской культуры. Умная и острая на язык, с удовольствием принимала участие в семейных интригах, и Наполеон удалил ее из Парижа, предложив владения в Италии, в 1809 г. сделал губернатором всей Тосканы. Деятельная и властная, она много сделала для своих княжеств.

⁷² Полина (Мария Полетта) Бонапарт (1780 – 1825) – сестра Наполеона I, принцесса Боргезе. Пользовалась успехом в обществе, среди ее поклонников были актер Ф. Ж. Тальма, скрипач Паганини, скульптор А. Канова.

⁷³ Канова, Антонио (1757 – 1822) – итальянский скульптор, наиболее значительный представитель классицизма в европейской скульптуре. Был поклонником Полины Бонапарт, запечатлел ее облик в статуе «Венера-победительница».

⁷⁴ Лефевр, Робер (1756 – 1830) – французский художник, получал многочисленные заказы от Наполеона I, стал придворным живописцем.

в силе личности, ни в славе. Каждый день он отправлял Гарнери в Лувр, и тот копировал драпировки греческих и римских статуй. Затем кутюрье интерпретировал их в соответствии со вкусом своих клиенток. Кроме того, Гарнери иллюстрировал «Журнал о дамах и моде», знакомивший весь мир с шедеврами Леруа, причем, рисуя платья элегантных женщин, он стал портретистом самих модниц, – пожалуйста, сразу две работы для одной клиентки.



Парижская мода, 1829

Леруа, очень часто показывавший себя беспринципным приспособленцем, тем не менее, остался верен Жозефине после ее развода, когда, удаленная от двора, она навсегда поселилась в купленном ею имении Мальмезон. За несколько дней до официального объявления о разводе императорской четы Леруа вошел в гостиную императрицы и застал Жозефину в слезах, стоящей на коленях перед Наполеоном. Император вспыхнул от гнева, но взял себя в руки и бросил небрежно бывшей жене: «Мадам, вам следует посоветовать вашему торговцу модным товаром не входить без специального разрешения!»

Не по собственной воле, а по принуждению со стороны императора мастер согласился работать для Марии Луизы. Без сомнения, вряд ли можно объяснить чистой случайностью, что в день бракосочетания венценосных супругов Леруа, к негодованию Наполеона, принес туалеты для новой императрицы с большим опозданием.

Однако бухгалтерские книги Леруа доказывают, что никакое национальное бедствие не погасило в обществе страсти к роскоши и веселью. Увы! Женщины заказывали ему шикарные туалеты и после битвы под Лейпцигом⁷⁵, и после отправления Наполеона в ссылку на остров Эльба, и в тот момент, когда император навсегда отрекался от престола.

⁷⁵ Известна также как Битва народов, 16 – 19 октября 1813 г. – крупнейшее сражение наполеоновских войск и крупнейшее в мировой истории до Первой мировой войны, в котором Наполеон I потерпел поражение от союзных армий России,



Парижская мода, 1829

В разгар бедственного отступления французской армии из России Гортензия, дочь Жозефины и жена Луи Бонапарта (брата Наполеона), заказала маскарадный костюм стоимостью ни много ни мало четырнадцать тысяч франков для своего костюмированного бала, устроенного по мотивам жизни и быта индейского племени инков. В том же году Леруа сшил для Каролины Мюрат (сестры Наполеона) маскарадный костюм за двадцать тысяч франков. Модная лихорадка, которой всегда была подвержена Полина Бонапарт, после свержения ее брата, казалось, только усилилась. После того как он отбыл в изгнание на остров Святой Елены, ее заказы у Леруа участились. Счета Жозефины, относящиеся к тому же времени, возросли до ста пятидесяти тысяч франков, но они так и остались неоплаченными.

Имя прекрасной польки Марии Валуевской⁷⁶, подарившей Наполеону сына, также встречается в бухгалтерских книгах Леруа. Для нее выполнены платья, богато украшенные серебряным шитьем, мехами и кружевом. В самый драматичный и кровопролитный период в истории Востока она покупает простой батистовый носовой платок за сотню франков.

Лихорадочное увлечение модой особенно овладело Марией Луизой, когда она влюбилась в Нейперга⁷⁷.

Австрии, Пруссии и Швеции.

⁷⁶ Валуевская, Мария, ур. Лончинская (1786 – 1817) – польская дворянка; графиня, возлюбленная Наполеона I (сам император называл ее «моя польская супруга»), мать его сына – графа Александра Валуевского.

⁷⁷ Нейперг, Адам Альбрехт (1775 – 1829) – австрийский генерал, с 1793 г. принимавший участие в кампаниях против Франции. Назначенный гротмейстером покоев императрицы, стал любовником Марии Луизы. В 1821 г., после смерти Наполеона, любовники поженились.



Парижская мода, 1829

И в период Ста дней⁷⁸ она себя не ограничивала. Леруа отправлял ей в Вену огромное количество платьев, пеньюаров, шляп. Леруа пережил все бури. После каждой волны, приносящей разрушения, он просто менял клиентуру. Когда вернулись Бурбоны, стал одевать королевский двор, бывших аристократов, приехавших из эмиграции; герцогиню Берийскую, новую королеву элегантности. Он одевал даже жену победителя битвы под Ватерлоо леди Веллингтон⁷⁹ и создал для нее мантию серебристого цвета из шерсти ламы и головной убор из перьев. Именно в платье Леруа дочь Марии Антуанетты⁸⁰, мрачная и желчная, въехала в Париж. Все настоящие, урожденные аристократки, смотрящие на знатных дам империи как на выскочек, счастливы вновь обрести своего кутюрье. Они еще некоторое время оставались верными нежным расцветкам тканей и завышенным талиям – отличительным чертам моды времен империи.

Гений Леруа полностью показал себя в стиле, исполненном очарования. Эротизм принимал в нем облик утонченной изысканности. Этот стиль в течение тридцати лет царил

⁷⁸ Время вторичного правления Наполеона I во Франции (20 марта – 22 июня 1815 г.) после его бегства с о. Эльба. Против восстановленной наполеоновской империи выступила антифранцузская коалиция многих европейских стран. Армия Наполеона была разгромлена 18 июня при Ватерлоо. 22 июня Наполеон вторично отрекся от престола.

⁷⁹ Веллингтон, Артур Уэлсли (1769 – 1852) – английский военный и политический деятель, дипломат; командовал союзными армиями при Ватерлоо в 1815 г., был в числе тех, кто настоял, чтобы Франция немедленно восстановила на троне короля Людовика XVIII.

⁸⁰ Мария Тереза Шарлотта (1778 – 1851) – дочь Марии Антуанетты и Людовика XVI. Вместе с семьей в 1792 г. была заключена в тюрьму Тампль. Освобождена в 1796 г. и только тогда узнала о смерти матери, тети и брата. Ультрароялистка, весь остаток жизни посвятила увековечению памяти семьи. Наполеон отзывался о ней как о «единственном мужчине этого семейства» (Бурбонов).

во многих странах с разными политическими режимами и продолжал жить в первые годы реставрации королевской власти. В тот день, когда он умер, звезда творца Леруа погасла. Да и не могло быть по-другому: мода, которой он руководил, жизнеспособна только в эпоху бурь, потрясений и страстных чувств. Время, пришедшее на смену, растеряло стремительность и страстную любовь к жизни. Мода этого времени становится новым рококо Бурбонов и выражает реакционные чувства по отношению к императорскому режиму: расширенная линия бедер, осиная талия, рукава буфами, прически с накладными волосами.



Парижская мода, 1829

Стареющий Леруа переложил управление своим ателье на племянницу. В течение двух лет кутюрье часто видели на прогулках в саду его загородного дома, он бродил словно луна-тик в поисках умершей славы. Время от времени он возвращался в Париж, чтобы взглянуть на ателье, но над ним теперь красовалась новая вывеска – «Леруа, племянница и К°».

Ему было суждено еще раз воспрянуть духом, чтобы сыграть последнюю роль в своей жизни: в 1824 году он возглавил работу по созданию туалетов для коронации Карла X. «Художник упал ниже своего уровня и не придумал ничего нового, ничего элегантного!» – грустно восклицал Оже в своей рецензии. Через пять лет Леруа умер и на долгое время был забыт обществом, которому посвятил себя целиком.

Прелюдия к высокой моде

Высокая мода – что это?

Что это такое – Высокая мода? Может быть, это наивысшее достижение искусства одевать женщину? Конечно, нет: выражение «Высокая мода» отражает феномен современности, подразумевает появившуюся в середине XIX века индустрию, важность которой не переставала расти, и теперь она стала одним из главных элементов французской экономики.

Синдикат Высокой моды дал своей деятельности точное определение, которое не оставляет места двусмысленности и делает лишними дополнительные разъяснения: «Дом Высокой моды квалифицируется как предприятие, чья деятельность заключается в создании моделей женской одежды с целью их продажи покупателям (клиентам-профессионалам), а также в правомочности копирования, это подразумевает наличие полномочий для создания стольких копий одних и тех же моделей, сколько необходимо для удовлетворения заказов частных клиентов».

Эти несколько строк обозначают границу, которая пролегла между модой в широком смысле этого слова и Высокой модой наших дней. До появления Высокой моды существовал лишь кустарный вид пошива: платья создавались только по замыслу клиентки и только для нее одной. В наше время такой вид работы называется «шитьем на заказ». Теперь знаменитые кутюрье – создатели моделей, на которых стоит их автограф и которые, как произведения искусства, защищаются от копирования, завоевали большое уважение в обществе, играют в нем видную и активную роль большого художника и предпринимателя.



Маскарадный костюм офицера Королевской гвардии и утренний мужской костюм,
Париж, июнь 1829

Индустрия моды

Историки костюма единодушно признают, что высокую моду основал Чарльз-Фредерик Ворт⁸¹. И сейчас его потомки настойчиво и с пафосом утверждают этот факт: вначале был хаос, затем появился Ворт, молодой гений, и одним взмахом волшебной палочки из пустоты создал Высокую моду. Но нет, Ворт создал Высокую моду не из пустоты – социальные и экономические предпосылки уже существовали. Никогда мелкий служащий швейного ателье не стал бы великим кутюрье Вортом, никогда ателье на улице де ля Пэ не превратилось бы в мировой центр моды, если бы процесс пошива одежды не поставили на коммерческую основу и не наладили промышленное производство моделей.

Однако неоспорим факт, что Высокая мода родилась в середине XIX века. Тем не менее ни история экономики, ни какое-либо специальное исследование не дают объяснений рождению этого феномена. Причин, вероятно, много: путаные исходные данные; множество экономических, социальных, национальных течений, игравших роль в этом, по-видимому, внезапном появлении. Все это логически привело к зарождению чего-то нового, но развивалось оно, это новое, очень медленно. Шитье одежды по индивидуальным меркам (способ такой же старый, как наш цивилизованный мир) и производство готового платья (явление Нового времени) подготовили дорогу Высокой моде.

Производство готового платья, обычный современный вид выпуска одежды, имело занимательную предысторию. Нескольким старьевщикам, промышлявшим своим ремеслом в Париже, в 1820 году пришла в голову мысль скупать у портных по низкой цене весь их «непроданный товар» и затем перепродавать его на блошином рынке (в те времена) Святого Иакова, который вскоре превратился в центр новой торговли. Ободренные успехом, они не остановились на достигнутом, а наняли портных, чтобы те в своих ателье шили новую одежду. Не секрет, что ремесло старьевщика не из почтенных занятий, и рабочих наняли с большим трудом, разумеется, не из лучших профессионалов. Но это было уже не важно – шитье готового платья как направление швейного ремесла появилось на свет.

⁸¹ Ворт, Чарльз-Фредерик (1825 – 1895) – создатель Высокой моды, первым использовал манекенщиц для примерок, в 1868 г. создал Синдикат Высокой моды, объединивший салоны, где одевались высшие круги общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.